

Игорь Шпотенко

БЕЛАЯ СТРЕЛА

или СМЕРШ-2

18+

криминальный боевик

Игорь Шпотенко

Белая Стрела, или СМЕРШ-2

«Автор»

2022

Шпотенко И. А.

Белая Стрела, или СМЕРШ-2 / И. А. Шпотенко — «Автор»,
2022

Криминальный детектив «Белая стрела», или «СМЕРШ 2» (смерть шакалам) является продолжением нашумевшего криминального детектива «Выстрел в аду», или «...девятый». После выполнения специальных обязанностей в Афганистане и Пакистане «спецы» группы подполковника Бивнева А. А., и сам руководитель группы с позывным «Бивень» оказались никому не нужными в начале девяностых при развале СССР. По всему роману проходит верность данной присяге и мужскому слову, любовь к ближним, помощь униженным и слабым, простота и открытость, а рядом секретность и замкнутость. Горесть утрат верных друзей. Автор отдаёт свой новый роман на суд своему читателю.

© Шпотенко И. А., 2022

© Автор, 2022

Игорь Шпотенко

Белая Стрела, или СМЕРШ-2

Криминальный детектив «Белая стрела», или «СМЕРШ 2» (смерть шакалам) является продолжением нашумевшего криминального детектива «Выстрел в аду», или «...девятый». После выполнения специальных обязанностей в Афганистане и Пакистане «спецы» группы подполковника Бивнева А. А., и сам руководитель группы с позывным «Бивень» оказались никому не нужными в начале девяностых при развале СССР. Часть людей с Великого Донбасса уехала служить на Родину, «Куцый» сел в тюрьму и Бивнев, зная, что тот не виновен, ничего уже поделывать не смог. Собрав остатки группы спецов «Бивень» уезжает в свой родной Ленинград и поступает на работу в милицию начальником седьмого отдела главка (внутренняя разведка). Наблюдая за движением обнаглевших чиновников, сроднившимся с распоясавшимся в стране криминалом, поднявшим голову на полную, спецы создают свою организацию «Белая стрела», или «СМЕРШ2» (смерть шакалам) и начинают не лёгкую, но до боли уже привычную работу по зачистке и устранению всплывающих то там, то здесь криминальных авторитетов и коррумпированных дельцов с большими погонами, должностями, мантиями, мандатами и неприкосновенностью. По всему роману проходит верность данной присяге и мужскому слову, любовь к ближним, помощь униженным и слабым, простота и открытость, а рядом секретность и замкнутость. Горесть утрат верных друзей. Автор отдаёт свой новый роман на суд своему читателю.

Часть первая

Малиновые пиджаки девяностых

Пролог

«Полковник Бивнев! Александр Александрович, Вас срочно вызывает к себе начальник главка генерал—лейтенант Ветров Б. Б.» просунув одну голову в щель приоткрытой двери кабинета, доложила секретарь начальника «семёрки», молоденькая, рыжеволосая лейтенант милиции Виталинка: «...я Вас трижды уже набирала, а Вы не снимаете всё трубку, я волнуясь» добавила она, всё же высовывая свою головку и освобождая проход. Александр Александрович поднялся с любимого, мягкого, коричневой кожи, огромного кресла, которому завидовали все буквально начальники отделов приходя к нему в кабинет, застегнул на все пуговицы свой китель и прихватив зелёную папку для докладов отправился по коридору второго этажа к приёмной заместителя министра, начальника Санкт Петербургского главка МВД России и его старинного друга генерал-лейтенанта Бориса Борисовича Ветрова. В приёмной было много народа, все, при входе Бивнева резко замолкли. Секретарь—офицер, майор милиции Рябов встал и отворив перед полковником входную дверь в кабинет тихо сказал: «Проходите, Вас ждут». Двери тихо, но достаточно плотно закрылись за вошедшим и в приёмной вновь зашептались. «Бивнева ждал, значит вопрос довольно серьёзный» шептал подполковник интендантской службы главка приехавшему по вызову полковнику с одного из районов Питера. «А кто он такой?» так же шепотом спросил полковник, вытирая пот со взмокшего от напряжения высокого лба. «Сам начальник «семёрки»».

Борис Борисович встал и протянув руку для приветствия вышел из-за своего стола. «Рад тебя видеть, Саша» сказал он пожимая другу руку. «Взаимно Борис Борисович». Они сели за не большой стол на против друг друга. «Тут вот какое дело» начал генерал: «В Питере и Ленинградской области появилась очень осторожная, скрытая, с хорошо поставленной инфор-

мацией и профессиональными киллерами в структуре, организация, которая называет себя «Белой стрелой» и имеет шеврон с надписью «СМЕРШ—2», однако расшифровывается не «Смерть шпионам», а «Смерть шакалам». Уже почти год за ней кто только не охотился, всё никак, даже и близко, никаких данных. Вот мы с министром и подумали дать поручение тебе поработать с этой структурой. Пока они нам не мешают, а даже как-то и помогают убирать тех или иных первых руководителей ОПГ города, так обильно расцветших в наши годы после распада страны, и мы никак пока не боремся с ними, нет законности, да и личного состава, способного пойти на прямую стычку с бандюгами практически нет». Генерал подошёл к бару в зеркальном буфете, открыл его, достал два дутых бокала и налив по чуть коричневой жидкости с запаянной чёрной бутылки без названия, подал один Бивневу, продолжил: «Пей, хороший коньяк, настоящий француз». Бивнев пригубил и поставил свой бокал на край стола. «Так может, раз такое дело, пусть помогают и дальше? Как я понял сильного шума в городе нет. Бандюги не жалуются, пресса молчит, а их чистят и чистят по-тихому. Может это бандюги сами рекламу гонят?». «Нет, Саша, жалобы идут в прямые уши большим чиновникам, с которыми и связаны своими заморочками бандюги, а те, в свою очередь, давят на правительство Питера, а оно на нас. Так что, чтобы пока не поднимать большого шума, чтобы всё осталось на уровне сарафанного радио, надо бы их выследить и найти, хорошо бы живых, а нет, то хотя бы зачистить, ну что мне тебя профессионала учить-то». «Я Вас понял, товарищ комиссар» по старинке назвав должность начальника главка Бивнев зная, что ему такое название нравилось. Допив коньяк он вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

1

Светало. Волнений у Бивня пока не было, хотя из отпуска по ранению не вернулся с Лисичанска прапорщик срочной службы Куценко. Всё бы ничего, но домой он уехал с табельным «ПМ» выданным ему, вместе с наградой, на постоянное ношение. Бивень, как чувствовал, не хотел выдавать оружия бойцам на «постоянку», но руководство отдало приказом, а он, как руководитель группы и командир подразделения, не мог ослушаться команды. Саша вытащил тихонько свою руку из-под головы спящей Наташи, встал. Кровать не прилично скрипнула. Бивень подошёл к полутёмному ещё окну. Дождя почти не было. На ветке акации прямо перед закрытой форточкой собиралась стайка сонных воробьёв, или как здесь на Донбассе их называют «горобцами». Бивень тронул пальцами стекло окна и стайка, испугавшись резкого движения, вспорхнула и перелетела на соседнее дерево, усевшись по выше. «Сегодня лететь, а Куцего нет» – размышлял он: «Водопьянов Сергей ночевал у «мамы», Сергей Арсентьев в общаге у своей молодой супруги Алёнки, его Наташа с ним, а Куцего всё нет. Что же могло произойти? Придётся писать рапорт о том, что один боец не прибыл с отпуска. Неприятностей перед ротацией не избежать». Бивень походил по комнате, поставил на электро плиту чайник и пошёл умываться в ванную комнату. Наплескавшись в холодной, протечной воде с крана, он насухо обтёрся махровым полотенцем, которые заботливая Наташа вывесила на двери ванной на забитые кем-то в двери гвоздики. Засвистел пронзительно свисток на закипевшем чайнике. Бивень залил пустой чайничек–заварник кипятком, прополоскал его, слил кипяток в раковину и засыпав свежий индийский со слониками чай в чайничек—заварник залив его часть крутым кипятком, поставил на стол прикрыв полотенцем. Чай распахся на всю кухню своим ароматом, как будто бы приглашая всех к чаепитию. Бивень долил в заварник ещё кипятка до полного и снова прикрыв полотенцем. «Ой! Как у тебя здесь приятно пахнет!» вышла в кухню Наташа, застёгивая лёгкий халатик и прижимаясь всем телом к мужу. «Иди, приводи себя в порядок, а я пока приготовлю нам завтрак» целуя любимую сказал Бивень. Порезав полу копчёную «Краковскую» колбаску кружочками, Саша бросил всё на разогретую сковородку. Запах усилился. Обжарив кружки Саша разбил в сковороду четыре яйца, которые издав приятный звук под-

жарки отпустили ещё в воздух и свой вкусный запах. «Ну ты и нажарил! Слюнки потекли в ванной. Корми давай свою жену, дорогой мой!» напевая слова вышла из ванной Наташа и усе-лась за стол. Саша налил в чашки душистый чай, в тарелки разделил содержимое сковороды и молодая семья с аппетитом позавтракала. «Я вымою всё сама, дорогой. Иди собирайся».

В девять утра вся команда, кроме Куцега, была в сборе. «Сейчас придет наш УАЗ и отве-зёт нас в донецкий аэропорт, где в полдень будет борт до Москвы, а там вечером транспортник в Душанбе, так что к утру должны быть «дома», хотя и домом это уже не назовёшь. Наш центр перепрофилировали в кинологический центр погран войск страны. Там, наверное, уже и новый командир есть.» с жалостью в голосе сообщил собравшимся командир. «Мы будем продол-жать службу до моей ротации и Вашего дембеля, а «спецов» потом перераспределят по частям дослуживать контрактные сроки. Скорее всего у нас больше и выходов не предвидится, ходить некуда стало». Он прошёлся по комнате, заглянул в лица каждого своего товарища и продол-жил: «Есть у меня к Вам предложение конечно, но озвучу его там на месте, когда соберёмся все оставшиеся». Бойцы заулыбались услышанному. С улицы послышался звук сигнала подь-ехавшей машины. «Всё, присели на дорожку» скомандовал Бивень. Все сели, но через минуту уже выходили с вещами и грузились в стоящую «буханку». За рулём сидел новый человек в камуфляже, но без опознавательных знаков. Наташа вышла последней и протянула водителю ключи от квартиры. «Слава, передашь кому надо» приказала она. «Есть!» тихо ответил Слава и положил ключи в «бардачок» автомобиля. Машина плавно тронулась с места всё набирая скорость по Донецкой объездной, увозя группу к аэропорту. Попрощавшись с новым водите-лем, группа пошла с технической стороны к спец проходной. У полуоткрытой, металлической двери на пропуске сидели, на выставленной скамье, двое сержантов милиции, с лежащими на их коленках АКСУ и курили. Прапорщик погранец что-то быстро писал в своём журнале. «Здравия желаем!» поздоровался Бивнев с сидящим прапорщиком: «Вот наше разрешение на проход» протянул он бумагу. Прапор оторвал взгляд от своего журнала, глянул на документ и вскочив на ноги низким голосом завопил: «Ну товарищи, дорогие, Вас же самолёт ждёт, а ему уже вылетать положено. Бегом, бегом на «КАРУ» он Вас доведёт до борта». Оранжевый «КАР» с длинным пустым кузовом стоял за проходом у «флокса». Пройдя через двери и выйдя на ту сторону проходной, группа расселась на борт «Кара». Наташу пригласил техник на вто-рое место рядом с водительским. Клацнул электро мотор и техника будущего полетела визжа, набирая скорость на второй передаче к стоящему борту ИЛ 76 в грузопассажирском исполне-нии. Взойдя на борт и рассевшись по жёстким деревянным скамьям услышали характерный звук запуска двигателей. Через время самолёт, оторвавшись от донецкой земли, взял курс на столицу нашей Родины, красавицу Москву.

В столице дождало. До борта на Душанбе ещё было время и, чтобы не терять драгоцен-ного времени, решили перекусить. В солдатской «ожидалке» никого не было. Подвинув две длинные скамейки к высокому, грязному, видно, что давно не мытому окну, спецы достали свои запасы и отдали их Наташе, которая и принялась сооружать общий, чуть ли не «швед-ский» стол. На обилие продуктов было приятно смотреть: в закрытых литровых банках— вареники и пельмени вперемешку, помидоры и огурцы солёные, грибы маринованные, пирог капустный, вареный картофель, варенные куры и конечно же разные колбасы. «Эх! Да под такое добро по соточке не помешало бы» разволновался Сергей Арсентьев. «Доставай, давай, женатик. Выставляться, когда думаешь? Или зажал?» с издевкой спросила Наташа у молодого мужа. Сергей глянул в глаза командиру. Бивнев тяжело вздохнул, но спорить с Наташей не осмелился. «Ладно, только по граммальке» согласился он. Сергей разлил в посуду домашний, крепучий, мамин самогон. Бульбочки долго не уходили с поверхности налитого. «Сергей, мы тебя все от сердца поздравляем с бракосочетанием. Живите дружно. А мы с Наташей следом за Вами». Выпили. В начале все кушали молча, но после второй разговор, как обычно, зашёл за боевые и переключился на не приехавшего Ивана Куценко. «Товарищ командир, я чувствую,

что с нашим Куцым случилась беда» выдал взволнованно Сергей Водопьянов: «Вы же его знаете, он не такой человек, не трус, видно попал в историю, да ещё эти пистолеты, будь они не ладные». Все загрустили. Сан. Саныч ничего не говорил, да и что он мог сказать, сам прекрасно понимал, что Куцый куда-то попал. Наташа стала убирать остатки продуктов и складывать всё в месте в один пакет. Прибежал посыльный и пригласил командира к начальнику военного аэродрома. Бивень ушёл. Не было его около часа. На подошедшего командира внимательно глядело несколько пар глаз. «Что там?» спросила Наташа. «Варианта два. Один мягкий, ТУ 104, но завтра. Второй жесткий, такой, как летели с Донецка сюда, но через час и уже вечером мы дома. Спорить никто не стал, все поняли, что Бивень уже принял решение. Через час самолёт плавно набирал высоту, унося «спецов» в далёкий Таджикистан.

С аэродрома в Душанбе ещё пару часов полёта на АН24 и вот уже внизу маленький аэродром, его даже по старинке называли аэровокзалом, а не аэропортом. «Смотрите, Наташа, а вон и наша «ласточка» стоит. Ожидает Ромик Галиев!» восторженно показал пальцем в иллюминатор Сергей Водопьянов. На стоянке у входа в вокзал стоял их Газ—66 с закрытым тентом в кузове. После всех формальностей «спецы» подошли к машине. Ромик появился как чёрт из табакерки откуда-то сзади неся в руках бумажный пакет с мороженым. «Салям Алей кум» как-то мягко поприветствовал всех ефрейтор. «Здорово Ромул, как дела?» обнял его командир. Смущённый Ромул внимательно рассматривал не знакомую, красивую девушку в форме прапорщика, но с тёмно-синими петлицами с общевойсковыми эмблемами (он понимал, что это КГБ, но зачем она здесь?). «Познакомься Ромул, это Наташа, моя супруга, будет жить и работать в нашей части». Рома осторожно пожал руку девушке и ещё больше покраснел. «Вот, угощайтесь пожалуйста» неожиданно протянул свой пакет Наташе смущённый парень. «Спасибо, не откажусь, очень пить охота» сказала Наташа. Для Ромы это уже была команда. Он, не спрашивая разрешения у Бивнева, сорвался с места и как молодой сайгак побежал в буфет. «Отбились все от рук» только и успел сказать Бивнев: «Ты мне пожалуйста дисциплинку не разлагай своими хотюньчиками, ибо они все станут перед тобой на задние лапки и будут глядя в твои красивые глазки ждать команды». Рома уже подбегал назад неся три бутылки «лиמוнада» и бутылку минералки в своих руках. «Вот, пожалуйста, выбирайте, и, наверное, все тоже хотят пить». Он только сейчас взглянул в глаза командира, понял, что ужасно прокололся и смутившись ещё больше сказал: «Простите меня товарищ подполковник». «Всё забыто, спасибо тебе, и я тоже хочу пить» приобнял за плечи водителя Бивнев. «Наташа, ты садись в кабину, а мы в кузов» скомандовал командир. Усадив жену в не совсем уютную кабину и отдав ей одну бутылку лимонада, группа влетела с вещами в просторный кузов и принялась за Ромкино угощение. Машина плавно тронулась. До Пархара больше двух часов, можно и вздремнуть. Ромик аккуратно, но быстро гнал этот раз свою «ласточку», стараясь объехать любую кочку, ведь у него в салоне впервые сидела девушка, пусть она и жена командира, но красивая и настоящая. Весна бушевала своими красками. Полевая дорога еле просматривалась, казалось, что водитель знал её с закрытыми глазами. На бескрайних полях, которые тянулись до самых гор Великого седого Памира, буйно цвели цветы богатые своим разноцветьем. От этого и запах в машине менялся с каждым дуновением тёплого, пока ещё не сухого и жаркого, ветерка. Табуны лошадей свободно паслись на просторах, а вот и отары овец, которые никто и никогда не считал. Верховые пастухи и большое количество собак—пастухов рядом с отарой. Наташа ела мороженное и с удовольствием рассматривала пока не знакомые для себя пейзажи. Она знала, что жить они здесь будут не так долго, что Бивневу уже выслали ротацию, а ему самому подыскивают службу по его физическим возможностям. После очередного ранения заниматься профессией «спеца» он физически уже не мог, хотя всё это скрывалось, но всему всегда приходит конец. Бивнев уже говорил, что возможен и перевод на службу в МВД. Наташа видела, как по-прежнему смущён её водитель. «А как Ваша фамилия?» протягивая парню бутылку с ситром спросила она. «Галиев. Ромул Галиев я. Спасибо я уже пил пока Вас ожидал» отка-

зался он. «Рома значит?». «Да, по-Вашему можно и так, но правильно Ромул. Парни называют просто Ромик» ответил он. «Тогда, и я Вас буду называть просто Ромик» сказала девушка и улыбнулась. Улыбка тут же передалась и на лицо парня. «Хорошо, называйте» уже с выдохом ответил он. Дальше они уже беседовали как два старых приятеля. Наташа задавала вопросы, а радостный простик Ромик на них откровенно и честно отвечал. Наташа лишний раз оттачивала свои навыки в психологии. Любая дорога рано или поздно заканчивается, вот и этот путь закончился. Рома подал сигнал издали, но его уже так давно все заметили, что и шлагбаум, и ворота как обычно были полностью распахнуты, а четыре огромные немецкие овчарки, как всегда сидели на своих местах перекрыв проезд и ждали команды. Машина остановилась. Из тени, создающей массею и дувалом, вышел крепыш парень и подняв ладонь руки на уровень пояса молча дал умным животным команду. Собаки медленно поднялись и так же медленно и молча, постоянно оглядываясь на стоящий авто, исчезли. «Саблюк, ты снова цирк устроил? Я твои спектакли хорошо знаю—Куклачёв ты наш» весело с кузова прикрикнул командир. «Куклачёв с кошками, а я с собаками, товарищ командир. Привет Сан. Саныч! С прибытием Вас!» уже с улыбкой приветствовал командира Саблюк. «Привет, Володя, как ты?». Саблюк отдал честь пропуская въехавший на территорию транспорт. «Всё, дома!» выдохнул Ромик, глядя на реакцию Наташи. «Да... Уж... Дома» прошептала она оглядываясь.

Девушка сразу же взялась за порядок. В холостяцкой «берлоге» Саныча хоть и было не замусорено и на первый взгляд всё же довольно чисто, но женский взгляд тем и отличается от взгляда мужского, что замечает даже не большую, но нечистоплотность. Да и не спорил с ней никто. Сложив вещи в шкаф она тут же принялась за тряпку. Саныч переодевшись в спортивное трико и чмокнув Наташу для приличия в щёчку, обувши красы выскочил на улицу. «Фу... Ну вот и началась семейная жизнь» подумал он облегчённо вздыхая. Саныч пробежался по не метенной аллейке и выскочив на спортивный городок остановился опешивши. Все его старания и труды кто-то куда-то давно засунул. Посреди футбольного, ранее ухоженного поля стояла большая армейская палатка, а в песочной яме для прыжков в длину вырыли глубокую яму, поставили деревянную стенку буквой «П» и соорудили обычный солдатский уличный сортир из которого страшно пахло. «Ну вот, позанимался» подумал он проходя дальше. На месте турника и брусьев красовался сбитый из шести окрашенных синим, моёк и навешенной над ними двухсотлитровой бочкой с водой теперь оборудован солдатский умывальник и тут же душ под открытым небом. Уже полностью с испорченным настроением Бивнев прошёл по всей территории, ещё вчера его и больше никого, базы подготовки «спецов» –секретной базы. Там, чуть дальше у самих въездных ворот, возле хозяйства Саблюка теперь разрасталась стройка века—кинологический центр по подготовке собак для несения службы на границе. Рота, не меньше, сильно загоревших на жарком таджикском солнце солдат с лопатами в руках и под команду стоящего с расставленными в ширь ногами полного сержанта, копали длинную яму под фундамент будущего питомника. Бивнев прошёл мимо и остановился уже рядом со своим питомником, где его Саблюк Володя держал и учил шесть немецких овчарок. «Добрый вечер товарищ командир!» поприветствовал его выскочивший вслед за животными «спец». Бивнев прошёл в загородку и присел на подставленный солдатский табурет. «Пока нас не было у Вас отобрали наш центр» тяжело вздыхая выдавил из себя покрасневший командир. «Да, строят с утра и до ужина, мешают мне заниматься с собаками, отвлекают». «Володя, ты уже довольно давно не показывал мне достижения твоих питомцев.» Саблюк смутился, как девочка в мужской раздевалке. «Что, прямо сейчас?». «Ну а что? Время до ужина есть, давай, покажи и расскажи». «Хорошо, садитесь вот сюда в тень на широкую скамейку, Вам будет удобно» засуетился Саблюк. Он трижды хлопнул в ладони и с приоткрытой двери вольера выскочили шесть огромных собак, все немецкие овчарки, одна из них совершенно чёрная и ровно в ряд, как в кино, сели на против стоящего перед ними Саблюка. Володя чуть приподнял ладонь на опущенной по швам правой руки и все животные смиренно улеглись с под кладеными под морды

передними лапами. Саблюк начал говорить. "Представляю шесть животных, которые обучены мною на территории учебного центра и готовы к работе. Две собаки возрастом четыре года каждая несут самостоятельно службу по круглосуточной охране территории. Они делают всё, кроме подъёма шлагбаума и записей в журналах. В это время двое животных заметно напряглись, сели и стали прислушиваться. «Видать учуяли транспорт и теперь волнуются, что не на своём месте» поглаживая двоих крупных особей сказал Володя: «Предлагаю их отпустить на службу». Бивнев чуть заметно кивнул. Саблюк поднял ладонь правой руки к своему уху. Две собаки поднялись с места и внимательно наблюдали за кинологом. Он приложил ладонь к уху, этого оказалось достаточным, чтобы обе овчарки убежали на свой пост. Остальные четыре как лежали спокойно, так и не пошевелились. Чёрный пёс оскалился и тихо зарычал. Все остальные подняли головы и одновременно повернулись в сторону шума. Трое стройбатовцев тащили свой инструмент в каптёрку готовясь к ужину. Их полевая кухня во всю уже пахла свежей сваренной кашей и заправленной по всему солдатской тушёнкой. Володя хлопнул ладошкой по колену и животные потеряли всякий интерес к шедшим, приняли свою прежнюю позу. Бивнев с удовольствием наблюдал за Володей. «Скажи, а что голосом ты команды им не даёшь?». Я учу своих питомцев самих голоса не подавать. Молча нападающая собака на много опасней бегущей с лаем. «Ну вот на пример ты смог бы дать им команду, чтобы они остановили эту троицу, но не кусали?». «Кусать они не будут, только для боевого применения нужен голос и отточенная команда «фас», а так, да вот смотрите». Володя поднял ладонь руки до пояса, собаки сели и напряглись. Кинолог вытянул руку в сторону идущих бойцов строительного фронта и все животные тихо, без лая кинулись им на перерез. Чёрный прыгнул первым и сбив одного солдата с ног, упёрся обеими лапами ему в грудь чуть оскалив зубы и тихо рыча. То же выполнили ещё две собаки, а четвёртая, которой не достался фигурант тренировки, бегала по кругу вокруг лежащих и внимательно наблюдала за происходящим вокруг. Солдаты вопили в три голоса, призывая к помощи. Их шанцевый инструмент разлетелся в разные стороны, они все лежали на спинах и закрывали лица ладонями рук. Володя дважды хлопнул в ладошки, а потом ещё раз по своему бедру. Животные оставили своих пленных и не спеша приблизились к хозяину. Он потрепал благодаря каждую по загривку и тихо скомандовал: «Место». Все собаки тут же исчезли в своих вольерах. «Вот, как-то так на первый случай. Вообще—то они у меня много чего могут. На нож идут легко, выстрелов не боятся совершенно, чтобы ударить такую собаку, надо ещё этому научиться». «Я смотрю откормленные они. Сколько раз в день кормишь?». «Раз. А после трёх лет их и надо кормить всего раз по их нормам и только на ночь перед их отдыхом. Хотя собака практически всегда на посту». «Мне понравилось» откровенно сказал Бивнев: «А эта новая команда, что составит тебе конкуренцию?». «Вряд-ли, да и тут будут готовить собак только для границы, не то, что мы. Мой «Арап» –тот, что полностью чёрный, красавец, ни одной белой волосинки, чистокровный, так он мину даже в пластике чувствует на глубине до пол метра, я его ещё на «горыныча» посадил, правда 1\3 положенной дозы, но всё равно в карманах находит и героин». «Ладно, Володя, пошли на ужин, там сегодня поговорим о нашем будущем». «Хорошо, сейчас собакам воды дам и прибегу» заволновался Саблюк. Бивнев, довольный увиденным, медленным шагом пошёл в расположение, чтобы вместе с женой идти на ужин.

Семён Егоров уж расстарался к приезду командира с супругой—на ужин был и суп с лапшой, и гвоздь программы—сибирские пельмени размером в нормальный украинский вареник они не влезли целиком в рот и надкусив его надо было в начале высосать весь бульон, а только после этого жевать. Бивнев принёс фляжку с водкой. Выпили все, даже не пьющий Ромул и тот глядя на понравившуюся ему Наташу, сделал глоток. Бивнев наблюдал за своим коллективом. Все оставались такими-же, какими он их оставил перед заданием и поездкой в Донбасс. Егоров принёс свежесваренный на травах чай и в глубокой тарелке душистый мёд. После ужина все оставались на своих местах. Егоров плотно прикрыл входную дверь. Десять пар глаз вни-

мательно глядели на своего командира. Все ждали того, обещанного им, серьёзного разговора о дальнейшей службе. «Друзья» начал говорить командир: «Пройдёт не так много времени и нам всем придётся расставаться. Как я понимаю Арсентьев, Суша и Водопьянов после службы уедут в свой Донбасс и там продолжат свою жизнь, у меня вот—вот ротация. После такого ранения я не могу рассчитывать на дальнейшую службу в «спецах» ГРУ, по предварительным раскладам мне придётся работать или в МВД, или в лучшем случае в КГБ если возьмут. Наташа поедет со мной в Ленинград. А Вы, все мои товарищи, где бы Вы хотели служить или пойдёте на гражданку работать?». Вопрос застал всех врасплох. Саша Квашинин поднялся первым: «Сан. Саныч, мы с тобой служим уже много лет. Ты научил меня всему, что знаешь и умеешь сам. Ты мне не просто командир, ты мне как родной человек. Думать я всегда доверял твоей голове, поэтому я бы хотел остаться в той же должности рядом с тобой. Устрой и меня рядом. Ехать мне всё равно некуда и не к кому. Я с тобой.». «Квакуша» поглядел внимательно в глаза Бивнева и тихо присел. Ромик вскочил вторым: «Командир, я тоже с тобой. Ну что я там в своей степи на лошадях буду ездить, мне права там и не надо. Я буду тебя возить, личным шофёром. Я давно уже хотел сам поговорить, но если такой расклад—возьмите пожалуйста и меня. Я с Вами». «Командир!» поднялся и обратился к Бивневу Саблюк. «Я тоже ранен, мы с тобой в том бою много голов чужих уложили, но и меня чужая пуля достала. Ну ты уже раз за меня поручился, и я остался в «спецах», а не был списан. Профессия «кинолога» мне нравится, да и востребована она в МВД. Ехать мне особо то и некуда. Родители в селе в Рязани, там у них ещё кроме меня девять душ детей, так что всё равно самому мне строить свою судьбу. Я бы тоже вместе с Вами поехал. Возьмите меня пожалуйста». У Наташи от услышанного разговора заблестели глаза. Она как будто отвернулась к окну и быстро смахнула набежавшие слёзы. Володя Вагин поднялся с места и опустив голову тихо произнёс: «Простите меня, ребята. Я уже пообещал маме, что после контракта приеду домой. Она давно хочет внуков, я ведь у неё один, отец погиб в тайге, его медведь задрал, вот мы и жили вдвоём. Она не хотела, чтобы я и на контракт подписался, но честно скажу надо были деньги ей на операцию по зрению, и я остался. Простите меня, я с Вами всегда, но поеду осенью домой в Сибирь». «И я не смогу» поднялся Самсоненко: «Честно скажу, после того, чем мы там за речкой занимались, хотя и по приказу, и вроде бы за правду, но не хочу больше. Четыре года осенью закончу и домой. Простите за откровенность. Я не трус, но не могу больше. Пойду киномехаником у меня в кинотеатре дед мой работает, вот я его и заменю». «Егорыч, ну а ты?» спросил «кока» Бивнев. «Вы же знаете, Сан. Саныч, что ехать мне некуда. Маму мою мы вместе с Вами похоронили, спасибо Вам за помощь, я бы не справился сам. Комнату в общежитии, где мы с мамой проживали, отдали другим. Мне и голову склонить негде. Я с Вами, если надо будет могу что угодно приготовить, ну и всё остальное, чему Вы меня научили, я не забыл и умею пользоваться. Я с Вами». «Хорошо, значит со мной в Ленинград кроме жены ещё четверо взрослых сыновей» разрядил обстановку командир. Ужин закончился. Завтра наступал обычный трудовой день на службе Родине.

На Наташу возложили самые ответственные дела. В штабе не было человека на связи и плюс к этому за длительное время накопилось столько различных бумаг, которые просто сбрасывались при получении на длинный стол, что они стали попросту сыпаться уже на пол. Вот всё это и необходимо было разгрести и разносить по папкам хрупкой девушке. Наташа не жаловалась. Во время её службы в КГБ ей приходилось ночами сидеть над различными документами и если мужику такая работа была в тягость, то ей она даже доставляла удовольствие. Она любила бумаги и бумаги любили и поддавались её рукам. Бивнев ждал ротации. Дни проходили за днями. После ранения ему было достаточно тяжело заниматься тем, любимым когда-то ремеслом и боевой подготовкой, да и простой бег был ему в тягость теперь. Бойцы это понимали и старались всячески оградить своего командира от нестерпимой боли, которая каждый раз возникала на его лице при подходе к турнику или брускам. Но Бивнев крепился и старался не падать ни духом, ни в грязь лицом. Но с собаками больше не бегал. Пришёл приказ

на Куценко. Сан. Саныч долго внимательно читал его, как будто изучая знакомые буквы и так не смог до конца понять, какое же это преступление совершил его Иван? На посланный им запрос пришёл лаконично стандартный ответ с прямым намёком не лезть не в своё дело. Через три месяца на конец пришла ротация. К нему на смену приехал молодой старший лейтенант родом с Узбекистана Айдар Мурадов. Бывший замполит, пограничник с горной заставы, имел уже награду—медаль за «БЗ». Бивневу он понравился сразу. С собой он привёл последнюю на этом учебном пункте группу из восьми узбеков, рослых, крепких, круглолицых и узкоглазых парней, очень сильно похожих друг на друга. Егоров не удержался и пошутил: «Как Вы их различать станете? Им надо бирки пришить к нагрудным карманам». «Разберёмся как ни будь» не зло ответил старший лейтенант.

Все спецы, отслужившие свой срок службы, собирались домой и ждали только ротации командира, чтобы уехать вместе. Группа, собранная Бивневым из его же спецов, оставалась на месте, чтобы ждать официального вызова на новое место службы, которую обещал их командир. Через десять дней старший лейтенант приступил официально к обязанностям командира учебного подразделения. Вечером «Кок» приготовил прощальный ужин. С погребки принесли красного, чуть терпкого виноградного вина. Настроения не было ни у кого. Бивнев с Наташей уезжали утром в Ленинград, Арсентьев, Суша и Водопьянов в свой Донбасс, а оставшая команда пока будет заниматься с вновь прибывшими новобранцами, готовя из них свою замену и настоящих помощников для старлея. Пили не много. Вспоминали свои выходы на зачистки, боестолкновения, погибших товарищей, мечтали только о хорошем, рассказывали о своих будущих работах на гражданке. Арсентьев сказал, что продолжит служить в милиции. Спали плохо. Утром на завтраке старались не глядеть друг другу в глаза, чтобы не дай Бог не показать чуть мокрые кончики глаз у каждого. Все понимали, что расстаются на всегда. Услужливый Ромик Галиев помогал всем с погрузкой, подал руку Наташе, помогая ей влезть в не совсем удобную для женщины кабину своего Газ 66ть. Саблюк открыл ворота, и машина тронулась. Пока пыль не перестала кружиться на грунтовой дороге после проезда машины, все провожающие стояли и махали ей в след головными уборам. Закончился целый период в жизни, начинался новый.

2

Московский железнодорожный вокзал, родного ему Ленинграда, встретил прибывшую «Красную стрелу» проливным осенним дождём. Зонты были не у всех, а состав поставили достаточно далеко практически на последний путь по каким-то там причинам. Пришлось идти пешком почти пол км. Вымокли все до нитки. Молодая чета Бивневых с множеством сумок и чемоданом не без труда добралась до стоянки городского такси. Дождавшись своей очереди и сложив все чемоданы и сумки в огромный багажник ГАЗ–24 «Волга» на конец отправились в родительский дом, предварительно позвонив с телефона–автомата маме. Наташа всю дорогу сильно волновалась и уже дважды задала мужу один и тот же вопрос: «Понравлюсь ли я твоей маме?». Обстановку разрядил старый водитель с совершенно седыми, однако довольно густыми, зачёсанными назад, волосами. «Дочка, да ты только войди в квартиру и сразу же скажи: «Мама, здравствуйте» и вся твоя боязнь тут же пройдёт после того, как она тебя обнимет и скажет в ответ: «Здравствуй доченька».» Бивнев улыбнулся и махнул головой в благодарность смотрящему в зеркало заднего вида седому водителю. Начался город. Машин было много. Они сигналили и моргали друг дружке своими фарами требуя пропустить, усиленно работая своими дворниками разгоняя струи не прекращающегося дождя со своих лобовых стёкол. Наташа с интересом разглядывала северную столицу. «Смотрю, Вы первый раз в Ленинграде?» спросил водитель сворачивая в лево с огромного Невского проспекта на улицу Садовая. «Да» просто ответила Наташа. Машина проехала улицу Ломоносова и вот она родная

улица Ф.Э.Дзержинского, а вот и дом с окнами на р. Фонтанка. С права до боли знакомая и родная площадь Мира, а дальше, по Загородному проспекту Витебский вокзал и Технологический институт, в котором папа работал после выхода на пенсию дежурным врачом и имел немного часов начитки по медицинской подготовке. Автомобиль остановился у открытого парадного. Два первых этажа по-прежнему занимали коммуналки и вход в них был с обратной стороны дома, а на третьем этаже было четыре благоустроенных шести комнатных квартиры, одну из которых и получил с выходом на пенсию и в связи с тем, что семья многодетная каппе ранг, морской медик Александр Александрович Бивнев—папа Сан. Саныча и свёкр Наташи. Водитель без просьб помог занести вещи на третий этаж и получив расчёт подмигнул девушке: «Удачи Вам, красавица!» сказал он на прощанье и махнув рукой пошёл в низ по выкрашенным тремя разными красками, ступеням. «Спасибо» ещё больше смутилась девушка. Саша надавил на кнопку. С обратной стороны послышался знакомый сигнал музыкального звонка. Через минуту дверь распахнулась. На пороге стояла в цветастом переднике и тёмно голубом платье совершенно седая, простенькая на вид женщина не высокого роста с белой тряпочкой в ловких руках и шлёпанцах на босую ногу. Она сделала шаг вперёд, обняла Наташу и со слезами на глазах прошептала ей на самое ухо: «Здравствуй, моя доченька. Как я рада. Я думала, что он уже никогда и не женится». «Здравствуйте, мама» только и успела произнести Наташа и обе заплакали. «Ну, вот, а меня обнять и поцеловать забыли?» вроде бы как обидчиво произнёс Саша втаскивая вещи в прихожую. «Сейчас я тебя поцелую» услышали все голос отца с большой комнаты: «Подойди скорее ко мне, шалопутный мой мальчишка». Саша прижался к хорошо выбритой отцовской щеке. «Здравствуй, папа!». «Что, на долго домой?» заглядывая в глаза сына спросил старый моряк. «На всегда, папа, я своё уже по—моему откатал. На пристань якорь брошу». «На пристань якорей не кидают только трапы» поправил его отец. Мама ввела в зал в обнимку за талию свою невестушку. «Вот, отец, это твоя единственная невестушка Наташа. Затеей у тебя много, а невестушка одна». «Здравствуйте, папа» произнесла смущённо девушка. «Ну здравствуй, доченька, здравствуй. Теперь у нас две Наташи, одна сестра Саши, вторая жена и обе живут вместе в одной квартире». «А что, Наташа приехала?» спросил возбуждённо Саша. Сестра была всего на полтора года старше его и росли они вместе. «Да, не сложилось у неё с мужем. Расстались по-хорошему. И зять был хорош, и любил Наташку, но детей Бог им не давал вот он и гульнул на сторону, а та и забеременела. Короче Наташа с нами. На работе она, скоро будет» рассказал отец: «Мать, ты там готовь что-то пока перекусить, а приезд отпразднуем вечером, когда все соберутся, мама уже всех. Кто рядом, успела обзвонить после Вашего звонка с вокзала».

К девятнадцати часам в квартире Бивневых было шумно. Трое сестёр с мужьями и детьми, жившими в пригороде и в городской черте приехали на встречу и теперь дружно хлопотали на кухне накрывая большой раздвижной стол в зале, таская к нему всё новые и новые яства и закуски. Мужчины в это время играли в тестевой библиотеке в шахматы, перебрасываясь между собой отдельными фразами, выпытывая у Саши его место знакомства с Наташей. Старик отец был рад встрече больше всех. Александр Александрович в парадном кителе капитана первого ранга, со всеми своими наградами восседал в своём глубоком кресле за письменным столом и рассказывал в очередной раз своим надоедливым внукам за что и когда была получена та или иная награда. А те, облепив старика со всех сторон, специально подтрунивали его и хихикали, когда тот что-то не то им отвечал, крича деду заученную фразу: «Ага, дедулька, не по уставу отвечаешь, не по уставу!». На конец мама пригласила всех к столу. Наташа уговорила мужа надеть свой парадный китель с наградами. Саша вышел в новеньком, всего пару раз примеренном, кителе подполковника увешанным боевыми наградами. Два боевых ордена красовались рядом с медалями на его груди. «Оппа—на!» воскликнул один из зятьев: «Да у нашего шурина боевых больше чем юбилейных!». Наступило не долгое молчание, все разглядывали с интересом Сашин «иконостас». Отец с гордостью за единственного сына

сиял улыбкой во весь рот вставленных челюстей, мама вытирала глаза платочком и гладила по голове любимого мальчика. «Надо бы и соседа пригласить. Он сейчас уже дома, я видел, как его привезла машина с работы. Мать, сходи позови полковника Ветрова Бориса». Женщина тихо вышла на площадку и позвонила в соседнюю дверь на против. За огромными дубовыми дверями послышался не громкий лай собаки и сразу же открылась входная дверь. На пороге стояла узбечка дом. Работница в голубом переднике и с такой же, только цветастой косынке на голове. «Зюля, пригласи пожалуйста Бориса Борисовича» попросила Женщина. «Проходите пожалуйста, я сейчас». Она открыла двери по шире, пропуская Марию Филипповну в просторный коридор квартиры. Через минуту в коридор со своей комнаты вышел сидящий высокий мужчина в велюровом однотонном, коричневом халате и домашних тапочках. Голова его была ещё мокрой, видно он только что принял душ. «Здравствуйте, тётя Маша» очень просто поздоровался мужчина с гостьей: «Что-то случилось?». «Здравствуй, Боренька, случилось, Санька наш с молодой женой приехал. Пожалуйста приходи к нам сейчас сразу же на ужин, мы все тебя ждём». «Саня приехал!» обрадовался хозяин: «Сейчас оденусь и приду». Он повернулся и крикнул в комнату: «Зульфия! Пожалуйста, мой выходной костюм и туфли!». «Ну, всё, забегал наш Боренька» подумала выходящая на площадку Мария Филипповна. Через несколько минут в зал ввалился огромный красавец с седыми висками в тёмно коричневом костюме и полосатом галстуке. «Где он? Дайте мне это тело!» густым баритоном произнёс вошедший крепко обнимающая и прижимая к себе своего друга. «Да задавишь, задавишь, дай хоть поесть сыну дам» затараторила мама. Все расселись по своим местам. Большой стол с закруглёнными краями казался просто огромным. Женщины умудрились заставить его практически полностью и теперь оставили только место для ещё готовящейся в печи утки с яблоками, кулинарным шедевром мамы Маши. «Первый тост за молодых! Живите дружно и радуйте родителей внуками» произнёс уже поднявший свой фужер с вином Борис Борисович: «Да я гляжу, что уже скоро это и случится». Наташа засмутившись опустила глаза. «Ты глянь-ка, она смущаться не разучилась? Как школьница!» не унимался гость. Все заулыбались и выпили. Праздник начался. Много говорили и вспоминали о службе, о погибших ребятах, о тяготах и лишениях. Ещё один из зятёв был офицером—афганцем. Пили не много пока на столе не появилась утка, фаршированная гречневой кашей с яблоками. «Ну а теперь надо градус поднять» заявил Борис Борисович раскупоривая принесённую с собой бутылку коньяка «Наполеон». «Вот, как будто знал и хранил. Отвозил своих во Францию и купил». «Боренька, я не спросила сразу, как там операция прошла у сыночка?» спросила хозяйка дома. «Да, так, потом расскажу. Хорошо?» ушёл от ответа гость. Чуть повеселевшие, подвыпившие гости, развязав свои языки, стали громко обсуждать последние новости города на Неве, все её сплетни и басни. Старый Александр Александрович поднялся со своего места, подтолкнул Бориса и сына выводя их в свой кабинет. «Вот, здесь чуть по тише. Пусть пошумят, мы и так редко собираемся вместе, а тебя, Боренька я вообще не видел после похорон твоего батюшки и кончины сразу же мамы». «Да, Сан. Саньч, прожили всю жизнь вместе и в одну неделю вместе и убрались. Был я не так давно на кладбище у них» рассказал Борис потускнев в один момент. «Вот и мы так же с Машенькой хотим, чтобы сразу и вместе». Старый моряк посидел немного глядя в одну точку, а потом задал свой важный вопрос Борису: «Боря, помоги нашему Саше пожалуйста определиться с работой. После его ранений, ему не дадут больше места в ГРУ – это уже факт, а в милиции, наверное, чуть проще?». «Да я и сам уже подумал сидя за Вашим столом на эту тему. Меня повышать должны скоро, вот Саша на моё место и пойдёт начальником Петроградского района милиции, а пока ещё время у меня есть возьмём его начальником МОБ (милиции общественной безопасности), оно не так давно освободилось. Как, Саня, согласен с таким предложением? Пока поруководишь участковыми, разрешителями, ИВС, ППС, ГАИ и там по мелочам, как раз руку чуть набьёшь, ну а потом и к розыску подойдёшь со следствием». «А Наташу тоже надо, ей скоро в декрет, как ты понял». «В кадры пойдёт инспектором. Она по званию у тебя кто?» «Пра-

порщик». «А образование?» «Харьковский институт внутренних дел». «Ну вот, подходит, как раз получит лейтенанта и на полтора года в свой декретный отпуск. Всё, это мы решим прямо завтра в моём кабинете. Договорились?». «Спасибо тебе, Борис. Я честно и не ожидал такого разворота. Думал просится хоть на какие-то курсы преподавать в ГРУ. И то не факт, что меня бы взяли». Борис Борисович повернулся к старику, взял его когда-то сильную руку в свою и заглянул в старческие, уже чуть мутноватые глаза: «Что, отец, такой расклад Вас устроит?». Слеза потекла по морщинистой щеке старика: «Спасибо, Боря!» тихо проговорил Сан. Саныч.

Борис ушёл тихо не прощаясь предупредив Александра, что ждёт их двоих к часу дня в управлении. Наташа вошла к отцу с сыном в кабинет, узнала новости и не удержавшись поцеловала старика в щеку. «Ну, вот, сейчас бабка заметит, приревнует ещё» заулыбался довольный отец. Всё складывалось хорошо в их первый день дома в Ленинграде, всё должно получиться...

Борис был, как и Саша, поздним ребёнком в семье моряка. Две его старшие сестры уже давно замужем, уже обе стали бабками, жили там на Северном флоте вместе со своими мужьями офицерами и сыновьями так же, как и дед, и отцы офицерами моряками. В Ленинграде они бывали один раз в два, а то и три года, а после смерти родителей вот уже несколько лет не могли приехать. Да оно и понятно—у каждого свои проблемы, свои заботы. Иногда приходили письма в основном к праздникам, редко созванивались. Борису досталась огромная, шикарная родительская квартира, в которой он проживал со своей семьёй женой Валентиной и сыном Еремеем, названным так в честь отца Вали героя Отечественной войны, так же уже давно ушедшего в иной мир. Жена Бориса практически не работала, так как сын болел какой-то болезнью суставов и плохо ходил. Ему постоянно требовалось лечение, а в последнее время всё больше за границей, то в Германии, то в Венгрии, а вот теперь и в капиталистической Франции. Помогала Борису по хозяйству узбечка Зульфия, чистюля и порядочная женщина, которую нашла сама супруга. Зюля жила и работала у них уже несколько лет и стала практически членом семьи. Борис Борисович был полковником милиции и работал начальником милиции Петроградского района Ленинграда. Закончив юридический факультет он не послушал отца и пошёл служить простым опером в начале в Ленинский район, затем старшим опером в Кировский, начальником розыска в Дзержинский, первым замом в Куйбышевский и вот уже пятый год возглавляет самый большой из районов северной столицы. Перспектива начальником главка светится уже очень даже реально. Борис много лет знаком лично с теперешним министром МВД СССР, его тёзкой, Борисом Карловичем Пуго. С Саней Бивневым они дружили давно, с момента получения их родителями шикарного жилья. Хоть и разница в возрасте и была чуть великоватой—шесть лет, это не мешало им устраивать шахматные турниры, в которые по их воле втягивались все, кто только мог отличить коня от ферзя. Саша много лет ставил себе в пример жизненную позицию своего друга и поддержал его идею пойти работать в милицию, а не во флот, а потом и сам поступил так же уйдя служить в «спец» подразделения ГРУ. Борис из-за этого уважал и ценил своего младшего товарища. И вот теперь Саша просится к нему на работу, и не сам, а с супругой. Борис Борисович после утренней пятиминутки и селектора по отделениям района, вызвал к себе начальника кадров его района, старого волка, уже выслужившего все мыслимые и не мыслимые сроки, но не потопляемого и нужного всегда под рукой опытного специалиста—кадровика Виктора Васильевича Цветаша. Маленького росточка подполковник приоткрыл дверь и без приглашения вошёл в просторный кабинет будущего комиссара милиции. «Слушаю Вас, Борис Борисович» без предисловий сказал вошедший. «Присаживайтесь, Виктор Васильевич. Хочу с Вами посоветоваться и за тем принять на службу двоих товарищей» начал издалека Борис Борисович. Цветаш сразу понял игру начальника: «Я так понимаю с параллельного ведомства хотите принять человека на должность начальника МОБ?». «Скажите, от Вас хоть что-то когда-то можно укрыть?» вопросом на вопрос спросил начальник. Цветаш пропустил похвалу между ушей: «Из какого простите ведомства?» «Из ГРУ» ответил Борис и пригляделся к мимике своего подчинённого. «Конкурирующая фирма!»

только и выдал из себя подполковник. «А второй? Простите не из КГБ?». «Вот Чёрт!» выругался Борис Борисович: «Ну что за человек? Да из него именно, только не он, а она, прапорщик с высшим юридическим и к тому же беременная» дополнил начальник. «Надо бы её быстренько переаттестовать, присвоить лейтенанта и спокойно отправить в декретный отпуск, а муж пусть трудится в новой должности». «Хм. Быстренько. А она, простите уволена?». «Василий Васильевич, они к часу будут здесь. Пожалуйста выпишите пропуска, поговорите, сделайте всё, как только Вы один можете—по уму, прошу Вас, пожалуйста» глядя в глаза подчинённому попросил Ветров. «Разрешите идти?». «Да, пожалуйста, и жду Вас потом с предложениями, хитрый Вы лис!» улыбнулся полковник. Глаза Цветаша довольно заблестели, он повернулся и тихо затворил за собой большую входную дверь его кабинета. Должность начальника МОБ (милиции общественной безопасности) была свободной уже несколько месяцев. Кого зря ставить не хотелось, а достойной кандидатуры на эту сложнейшую работу пока не было. Работу исполнял бывший зам по МОБ, который и надеялся её получить. Но начальнику он не нравился из-за его отношений к младшему начсоставу, именно тем сержантам, которые и «волокут» эту грязную работу в ИВС и ППС, конвое или просто в ДЧ в оперативных группах. Он легко мог оскорбить сержанта или того больше лишит премии в его и так не большом заработке. Цветаш знал об этом и молча поддерживал первого руководителя, но ни эмоциям, ни тем более воле чувств он себе не позволял никогда, поэтому так долго был необходим всей этой не простой системе МВД. Виктор Васильевич спустился в ДЧ и заказал два пропуска для мужчины и женщины, которые должны подойти к часу дня. Дежуривший помощником дежурного, старшина, попытался было пошутить, но старый подполковник тут же намекнул этому юмористу о предстоящей аттестации, и старшина стал сразу же предлагать свежесваренного чая. Виктора Васильевича в управлении побаивались. Ему было уже пятьдесят семь, а замены на свою должность он и не пытался подыскивать. Женский офицерский состав в его отделе даже и не мечтал об каком-то было передвижении. Цветаш знал всё и про всех. Про него в углах шептались: «Что управление сгорит, а он ещё года три будет ходить на пепелище и руководить кадрами». Виктор Васильевич со знанием выполненного долга поднялся в свой кабинет. Задание то он получил, но где же взять единицу, чтобы принять беременную женщину, аттестовать, присвоить звание лейтенанта и тут же отправить в декретный отпуск. Но не выполнимых заданий для него не было, как и не было не выполненных им задач. Он сел и открыв штатное расписание районного управления внутренних дел стал в очередной раз внимательно просматривать и перебирать все вакансии, на которые можно бы было устроить жену будущего начальника МОБ.

Саша и Наташа спали долго. Мама застелила диван—кровать ватным одеялом и свежим, новым бельём. В уютной, выходящей окном во двор Сашиной комнате, было тихо, тело, надёжно. Наташа лежала на вытянутой в сторону руке мужа и всем телом прижималась к нему. Слышать его дыхание было для неё не поддельной женской радостью. В её теле зарождалась новая жизнь, их с Сашей совместного желания, их любви. Наташа открыла глаза и стала наблюдать за спящим Сашей. На его лице то и дело дёргались морщинки, веки глаз и как ей показалось скулы. Маленькое перо, вылезшее из пуховой подушки смешно запуталось в его волосах над правым ухом и торчало теперь, как перо у индейца с известных фильмов кинокомпании ГДР «ДЭФО». Наташа тихонько вытащила пёрышко, но стоило ей только поднести руку к его лицу, глаза мужа тут же открылись. «Что?» смешно и удивлённо спросил её Саша. «Вот, пёрышко смешное в твоих волосах» теперь уже не боясь она прошлась своей ладошкой по его седеющим кучерям. «А который час? Нам в тринадцать часов надо быть в управлении у Бориса» разволновался Саша. «Да лежи ещё, только половина девятого, ещё времени много, полежи хоть пол часика, любимый» она вновь прижалась к полуприсевшему на постели мужу. В двери тихо постучали. «Да» вдвоём ответили молодожёны. Двери приоткрылись и в комнату заглянула мама: «Я слышала, что Вы говорите, вот и не выдержала, соскучилась. Завтракать, когда будете? У меня всё уже давно готово, да и отец волнуется, чтобы Вы от голода не умерли

случайно» она улыбнулась своей простодушной улыбкой и ямочки на стареющем лице стали видны очень выразительно. «Да, мама, встаём уже, через пол часа будем готовы» за двоих ответил Саша целую молодую жену.

Отец, в коричневой велюровой пижамной курточке и новых брюках уже сидел на своём месте за вчерашним столом и читал свежую газету «Ленинградские новости». Сестра Наташа с мамой колдовали на кухне с которой по всей огромной квартире расплзался сладкий запах свежеевыпеченных маминых пирогов с капустой и с рисом и яйцом. Наташа готовила вторые, они у неё всегда получались лучше, чем капустники. Она специально вчера выпросила себе отгул, чтобы утром помочь маме с выпечкой и по подчевать брата и нового члена семьи. Она же колдовала над туркой с ароматным кофе и заварником с душистым чаем «три слоника». «Мы готовы!» заходя в большую комнату сказал за двоих сын. Рассевшись по своим местам семья приступила к завтраку. Саша ел с удвоенным аппетитом и хвалил то мамины капустники, то пироги сестры, а те только и старались ему подложить свеженьких. Отец просто сиял от радости—сын дома! Сын, невестка и будущий внук от сына—его продолжение фамилии. В том, что будет внук старый каппе ранг даже не сомневался. И имя не надо было придумывать—Санька, третье поколение Сан. Саньчей. «Наташенька, доченька, что-то ты слабо кушаешь, или что не нравится?». «Что Вы, мама, всё прекрасно, спасибо, я сама удивляюсь себе, что столько съела, спасибо». «Ты теперь должна хорошо питаться, чтобы выносить и родить моего единственного внука, дочь» глядя ей в глаза серьёзно сказал отец: «Поэтому я сам беру над тобою шефство». Все засмеялись. Завтрак удался на славу. После завтрака три женщины ушли на кухню мыть посуду, а отец с сыном остались в комнате вдвоём. «Вот, ключи от нашей «пятёрки» возьми, мне она уже давно ник чему, стоит только во дворе зачехлённая, только место занимает, так что бери и езд». «Спасибо, папа, а я даже и не знал, что у Вас есть машина.» «Да, министерство ВМФ поздравило меня таким образом с семидесятилетием и с сорок пятой годовщиной Великой Победы. Правда я немного доплатил за марку, давали «запорожцы». Вот теперь и стоит под окнами во дворе с чехлом под номером 11—11 ЛЕН.» Александр прижался к старику, почувствовав тепло его тела, как давно он не делал этого? Как же давно о нём никто так не заботился? А ведь это единственные ему родные люди, мама, отец, сёстры. На глаза сами по себе навернулись слёзы. «Ну, ну, сынок, не надо, ну кто, как не мы с матерью поможем тебе, ведь ты за всю свою жизнь ни дня ещё не работал, только и делал, что воевал и защищал Родину, а она вот так к тебе повернулась, когда ты стал ей в тягость». «Папа, не надо об этом. Я стараюсь не думать так. Вот Борис поможет и всё станет на свои места. Я теперь всегда буду с Вами, ещё и надоем скоро. Вот сына мне Наталья родит и будет здесь в спокойной и тихой квартире и писк, и крик, и гам». «Да уж скорее бы это было. Ведь любой дом без детского смеха—мёртвый дом. Он, как и человек вроде бы жить по-иному начинает, когда в нём появляется маленький, беззащитный человечек. Вот ты это сам скоро поймёшь. У нас с матерью много внуков от наших девочек, но самый желанный только твой—продолжение нашей фамилии». «Спасибо тебе, папа» отходя к окну сказал Саша, чтобы отец не видел больше мокрого места под его глазами. В комнату заглянула жена: «Саша, что будем, наверное, собираться? Такси надо бы заказать?» «Не надо такси. Ты права свои достань, у нас теперь есть свои такси. Папа отдаёт нам новенькую «Жигули» пятой модели, а я то без прав пока. Так что тебе и водить. А я буду город тебе показывать». Молодые вышли. Старый Бивнев поудобнее уселся в своё кресло, разложил листы бумаги на большом письменном столе, включил радио настроенное на его любимый «Маяк», взял в руки карандаш с химическим стержнем остро заточенный точилкой в виде футбольного мячика, и принялся за свои мемуары. С этой минуты его жизнь круто изменилась, он был теперь спокоен, что похоронки на его единственного сына он уже никогда не получит, что вся его семья теперь в сборе, и он может заняться написанием уже обдуманного ни один раз романа.

Саша с женой вышел через своё парадное, обошёл дом с задней стороны, вошёл в арку и подошёл к укутанному желтоватым брезентом с написанным на нём краской номером автомобиля стянул покрывало. Совершенно новый автомобиль белого цвета и пахнувший ещё заводской краской, стоял перед молодыми людьми. «Ах, Саша, я даже и мечтать не могла, что когда-то сяду за руль такой красавицы и самое главное собственной» широко улыбаясь сказала Наташа открывая водительскую дверь и садясь за руль. «Осторожно живот» – ответил муж и сел рядом на пассажирское сиденье. Наташа вставила ключ в не привычное гнездо с левой стороны руля и провернула до стартера. Машина легко завелась. Бензина половина бака, всё горит на доске приборов, механический датчик учёта пройденных километров показал цифру триста. Новая машина. «Ну, с Богом!» перекрестилась Наташа и вставив первую передачу в коробке тронула машину. Саша с интересом взглянул на крестившуюся жену, но промолчал. Машина плавно выехала со двора. «Теперь поверни на право...» – начал показывать дорогу муж.

Ровно в тринадцать часов телефон на столе Виктора Васильевича дал звонок. Он любил пунктуальных людей и понял, что очередной раз не ошибся. На той стороне голос дежурного спросил: «Товарищ подполковник, пришли двое по Вашим пропускам. Мне их к Вам направить или в кадры?». «Сопроводить ко мне» приказал Цветаш и повесил трубку. Ещё через пару минут в двери стукнули и вошёл старшина милиции с повязкой дежурного на правой руке: «Виктор Васильевич, вот привёл» как-то по гражданскому доложил старшина и открыв пошире двери пропустил перед собой мужчину и женщину. «Свободный, старшина» отдал приказ Цветаш поднимаясь на встречу гостям. «Пожалуйста, проходите, будем знакомы, Цветаш Виктор Васильевич я, начальник кадров этого управления милиции». Они пожали руки. «Присаживайтесь» предложил хозяин кабинета и сам сел на стул приставленный к боковому столу, а не на своё место. «Я получил указание от руководства подобрать Вашей супруге место с офицерской должностью, и рассказать Вам, Александр Александрович о Вашей будущей работе. «Скажите мне в начале, а Вы уже подали рапорт на увольнение с Ваших работ?». Молодые люди переглянулись. «Пока нет, надо бы знать в начале куда, и мы бы хотели переводом, чтобы без увольнений и восстановлений». «Да—да, конечно, конечно» услужливо проговорил Цветаш и пересев на своё рабочее место снял трубку. «Валюша» – сказал он улыбаясь в трубку, как стало понятно телефонистке: «А ну ка соедини меня с Ираклием». Положив трубку на клавиши он стал ожидать ответа. Через какое-то время телефон вновь звякнул и Цветаш улыбнувшись сказал: «Привет тебе Ираклий, на пенсию ещё не собрался?». Он ещё какое-то время задавал свои личные вопросы и смеялся, а потом спросил: «Ладно, я по делу к тебе, ты же знаешь, что прошу я крайне редко, а здесь случай. От тебя к нам желают перевестись пара молодых людей с одной фамилией. Нет, фамилия не такая. Скажу больше, парень после тяжёлого ранения и Ваша структурка не знает куда бы это тело всунуть. Вот, теперь ответ правильный. Он с женой. Она прапорщик. Я понимаю, что у тебя там волки в отделах, кто по офицерам, кто по сержантам, но ведь это я тебя прошу. Фамилия у неё такая же и она в положении. Мне надо её на офицерскую успеть всунуть должность, так что прошу не тяни, два, ну три дня тебе, договорились? Что, самогончика моего? Ладно, конечно же встретимся, когда позвонишь? Нет, Ираша, позвони пожалуйста сам и послезавтра. И я тебе жму лапку. Пока». Он повесил трубку и налив себе в стакан воды из графина, жадно выпил. «Что это только что было?» потный от услышанного спросил Бивнев: «Это Ираклий Георгиевич Богатырёв? Начальник отдела кадров ГРУ? Гроза всего личного состава? Его, мне кажется, и сам первый руководитель побаивается, а Вы на него Ираша, и я прошу? Он, по-моему, генерал—майор?». «Ну, да, это он, что тут такого?». Бивневы опустили головы. Виктор Васильевич, Вы меня простите конечно, но случайно Вы не переиграли, нас там вообще не уволят за два этих дня?». Цветаш встал и просеменил своими коротенькими ножками по огромному кабинету. Он приоткрыл дверь и нежно так приказал: «Людмила, принеси нам пожалуйста три чая, баранки, три бутербродика, ну как ты можешь

и по стопочке. Хорошо?». Закрыв двери он подошёл и вновь сел на стул у придвинутого стола. «Не переживайте Вы так. Мы с Ираклием выросли вместе на одной площадке. Его родители в блокаду погибли под обстрелом, и он жил у нас в семье, вернее и семьи—то не было, папа мой погиб на фронте, мама не дожила до войны умерла от туберкулёза ещё в тридцать девятом мне шести ещё не было и меня, а потом и Ираклия, воспитывала моя бабушка, мамина мама, баба Ксения или Ксюша, как мы её называли тогда. Блокада была страшной. Голод и постоянные обстрелы. Нам правда повезло хоть с этим, в наш район не попадало, или очень редко прилетало. С голодом было хуже. Мы с Ирашей придумали зимой ловить рыбу при обстрелах. У нас был такой сачок на длинной палке и сани, с загнутыми с обеих сторон полозьями, чтобы можно было в обе стороны тягать. С разбитой немецкой легковушки мы спёрли сидушку и прикрутили её к саням. Во время обстрелов мы не уходили в бомбоубежище, а прятались около какой-то из многих речушек, под мостами. Когда в реку попадал снаряд был взрыв, и рыба глушенная всплывала, вот тогда кто-то из нас ложился на сани и грёб по льду к полынье с сачком, подцеплял рыбку и второй вытягивал первого таща его за привязанную верёвку. В начале мы были одни. Потом стали появляться и последователи, начались драки за улов. Мы то с Ираклием маленькими тогда были, нам по девять лет. Но всё равно иногда у нас были и хорошие уловы, бывало бабушка даже меняла рыбу в ресторане, который работал всю войну, на хлеб. Потом мы организовали с ним ловлю птиц—воробышков, синичек и разных там мелких. Они от голода тоже сдыхали, а мы их ловили на кормушки, это такой коробочек с крышкой и подпираешь его палочкой, которую ставишь на такую же палочку внутри коробка. А в коробке зерно. Птица садится на палочку, она падает внутрь коробка и крышка закрывается. Мы ходили на кладбище на «пескари», там много было птиц. Наловим с пару десятков, посадим в клетку, а потом бежим на конный двор воровать в яслей зерно Лошадям конюхи одевали на морды мешки, а туда сыпали овёс или там, что есть. Вот подойдёшь к лошади, чтобы тебя не видели, и ладошку в мешок. Если не успела съесть, вытаскиваешь горсть и так к каждой. Ловили, били за это, но отпускали. А мы прикормим чуть птиц. А потом бабушка такой бульон нам варила. Грех конечно об этом не то что говорить, даже вспоминать, но мы выживали как могли тогда. Ираклий рос, а я как будто бы застрял в детстве. Мы ходили вместе и нас дразнили «Пат и Паташёнок». А с весны и до осени мы с бабушкой перебивались огородами. В Ленинграде все свободные клумбы были засеяны брюквой, картофелем, бураком и всем, что только достали, чтобы посадить. Вот так мы росли. Когда освободили город от блокады стало чуть легче, и мы пошли учиться. Снова в одном классе. Потом мы вместе поступили в ремесленное училище по плотницкому делу, но после его окончания перед армией нас вызвали в военкомат и предложили поступать в военно—политическое училище на специальность полит руководитель, а с третьего курса начали обучать кадровой работе, вот мы и остались после училища—кадровиками. С тех пор мы работаем по одному профилю только в разных фирмах. В начале мы оба были в армии, а потом уже нас разбросало, а потом вновь свело. Вот так. Понятно?». В двери постучали и вошла девушка в форме младшего лейтенанта с коричневым разномом в руках. Она поставила на стол три стакана, в подставках, как в поездах, с ароматным чаем, вазочку с сушками, шесть не больших бутеров с колбасой и сыром и беретку с малиновым вареньем. «Пожалуйста, угощайтесь» пропела она нежным голосом и с улыбкой, так же тихо вышла и затворила за собой дверь. «Пожалуйста, чай» пригласил Виктор Васильевич. Он достал с тумбочки два не больших стаканчика и маленький хрустальный графинчик, наполненный коричневой жидкостью. «Вы, как я полагаю, нас не поддержите, Наташа?» мягко поинтересовался у беременной Цветаш. «Нет конечно» отвела взгляд женщина. «Ну а мы, с Вашего позволения, за знакомство по рюмочке, а все разговоры подождут». Он поднял графинчик, открыл хрустальную пробку похожую на три ягодки винограда и наполнил рюмки. По кабинету пронёсся приятный аромат напитка. Мужчины чокнулись рюмками и выпили. «Ах! Какой коньяк! Наверное, Франция? Я такого не пробовал никогда» смакуя выпитое произнёс Саша. «Побой-

тесь Бога, молодой человек, я казённое в рот не беру. Это и есть мой самогончик на ореховых перепонках, лечебный, только для понимающих мужчин. У меня жена Оксана Сергеевна родом с Украины, так вот её мама, моя покойная тёща Валентина Марковна и научила её готовить этот прекрасный напиток. Они с Полтавы—галушки украинские.» смеялся Виктор Васильевич повторяя процесс. «Так это я понял с разговора, что Ираклий Георгиевич Богатырёв про него просил?». «Увы, молодой человек, про него, он ему так же нравится. У нас на даче в Пионерском есть свой аппарат в молочном бидоне, так моя Ксюша и балует нас его приготовлением. Только смотрите, это секрет». Они выпили и долго смеялись над секретным рассказом подполковника. Перекусив бутербродами и выпив чай с сухарями Виктор Васильевич продолжал: «Ну вот, теперь можно и за работу поговорить. Я вчера пол дня искал для Наташи должность. Нет, свободные конечно есть, но я же не предложу Вам опером, или следователем. И всё-таки нашёл. Нам в начале года дали одну единицу психолога первый раз. Мои девочки не зная, что это за птица такая, всунули её в дознаватели, а там умный начальник поставил на неё одного алкаша капитана, которого не знаю по какой причине тянут до пенсии и не выгоняют. Ну да ладно. Пенсия как раз у него есть уже поэтому мы его уволим, а должность я переброшу в свой отдел по работе с личным составом. Она правда с потолком «старший лейтенант», но Вам на первое время хватит. Получите лейтенанта, пойдёте в декрет, а выйдете уже стар леем, а там посмотрим. Что? По рукам?» Он протянул свою маленькую ладошку Наташе. «По рукам» ответила женщина чуть хлопнув своей ладонью по его. «Всё тогда решено. Завтра я Вам позвоню по переводу и скажу, что и как правильно всё делать. Ну а пока отдыхайте. Радуйте родителей». Цветаш повернулся к Александру. «Ну а с Вами, Александр Александрович мы поговорим только после подписания там (Он поднял указательный палец вверх и показал на потолок), Вашего рапорта о переводе с указанием должности. То, что мне сказал на словах мой начальник конечно же хорошо, но правила есть правила, отступить не могу. Жду рапорта». Мужчины пожали руки. «Ждите моего от звона потом будете действовать» ещё раз напомнил Цветаш молодым людям провожая их из своего кабинета.

Сутки тянулись мучительно долго. Поставив машину на прежнее место и накрыв её чехлом молодые прошли по магазинам. Полупустые полки смущали. Кругом длинные очереди, давки, скандалы. За час странствий им удалось купить пару кг сардель, две булки чёрного московского хлеба и баночку русской горчицы. За яйцами страшно было стоять и давали по полтора десятка в руки. Но молодые выдержали и взяли полный лоток на двоих. Держа такие «дорогие» покупки в руках они пришли домой. Двери тут же открылись не успев Наташа убрать палец от кнопки звонка. Как будто бы мама не отходила от двери и ожидала их прихода. «Вы что скупилась? Наташенька, тебе же опасно в очередях стоять, не дай Бог какой идиот в живот толкнёт или ударит» заволновалась мама принимая покупки: «А вот за яйца спасибо, у нас как раз их и нет. Сегодня выпекать пирог раз принесли» разволновалась ещё больше женщина. Не понимавшие до этого, что такое городские магазины, привыкшие всё что надо получать в спец магазинах или на складах, молодая пара не могла ничего ответить внятного. У них начиналась совсем иная жизнь, но они были вдвоем, они всё выдержат, у них семья и самое главное—любовь.

3

Телефон зазвонил как-то сильнее обычного, или это только показалось Наташе. Мама сняла трубку и после приветствия позвала Сашу: «Сыночек, это тебя с управления, я не слышала точно набора букв с какого» отчиталась женщина передавая сыну трубку. Саша говорил сухо и не долго. Положив телефонную трубку на рычаги он улыбнулся стоящей рядом маме: «Ну вот, мамочка, по-моему, мы с Наташей скоро пойдём на новую работу». «Вот и слава Богу, слава Богу» запричитала женщина вытирая руки об передник, как будто бы они

у неё чем-то испачкались. Саша вошёл в свою комнату: «Собирайся, дорогая, бери все свои документы. Сегодня едем в «контору» за расчётами и переводом, а завтра с утра в управление кадров в МВД к Цветашу. Это он мне звонил и всё растолковал» рассказал Саша жене. Собрались быстро, да всё было уложено и переложено уже ни один раз. Пара спустилась вниз к машине. Погода испортилась полностью и стала истинно Ленинградской. Ещё не густой, но туман заволок все улицы города на Неве, мелкий не то дождь, не то (как говорили его украинские сослуживцы) гичка моросила и делала выход на улицу не комфортным занятием. Саша снял и сложив запихнул в багажник тент с автомобиля, а Наташа уже уселась за руль и прогрела двигатель направив вентилятор на лобовое стекло, которое мгновенно запотело. Мотор работал ровно, стекло просохло, и женщина включив передачу сказала: «Саша, показывай куда надо ехать». В городе машин было много и молодые немного покрутив по новостройке нашли нужный подъезд и припарковали свою «пятёрочку». Но к ним тут же подошёл постовой милиционер. «Товарищи, здесь стоянка только спец транспорта, пожалуйста, уберите авто». Саша достал своё удостоверение и сержант, отдав честь, отошёл в сторону что-то бормоча себе под нос. В «конторе» они вошли в кабинет своего отдела с личным составом, и Саша представился: «Подполковник Бивнев, и прапорщик Бивнева прибыли по вызову». К ним тут же подошла капитан с шикарнейшей причёской на голове: «Да, да я Вас жду. Давайте все Ваши документы и вот образец, садитесь и пишите мне рапорта, я их сама отнесу и зарегистрирую» широко улыбаясь натянутой показной улыбкой пропела дама в погонах. Чета Бивневых спорить не стали. Они сели за длинный стол и писали какие-то рапорта, заполняли формуляры, расписывались в каких-то ведомостях, просчитывали сколько не дополучили форменной одежды за годы службы, что-то там просили согласно нормативов. Собрав все бумаги и разложив их в две папки капитан вышла. Чета сидела за этим же столом и разглядывала работающих в помещении клерков чекистской жизни. За столами сидело ещё четыре дамы в погонах старших лейтенантов и две дамы возрастом по—старше, но в гражданской одежде. У каждой на столе горел светильник. Три больших окна выходили во двор строения и не давали столько света, на который были рассчитаны, да ещё и туман. За всё время в отдел так никто и не вошёл кроме Бивневых. «Вот это порядок» подумал про себя Саша. Капитан отсутствовала почти до самого обеденного перерыва. Уже служащие за столами пришли в движение, готовясь к перерыву и обеду, когда дверь открылась и вошла капитан. «Вот, всё, заставили Вас немного подождать. Все Ваши документы в этой папке. После обеда пойдёте в бухгалтерию и получите все Ваши расчётные. Все документы по переводу готовы и Вам только их завтра передать Вашему уважаемому Виктору Васильевичу лично в руки. Он сам знает, что делать дальше. Да, сдайте пожалуйста Ваши удостоверения мне». Она протянула паре их документы. «Спасибо Вам», протягивая две «корочки» сказал Бивнев. «Я и не ожидал прямо такой оперативности» беря папки сказал Саша глядя в глаза женщине. Неожиданно другая дама без формы хмыкнув встряла в разговор: «Хм! Попробовала бы хоть слово против нашего Бога кадровой работы сказать. Уже не одну поменял». Капитан повернулась к говорившей и испуганно прошептала: «Наина Францовна, тише, тише, так не надо говорить». Саша ещё раз всех поблагодарил и взяв Наташу за руку, вышел. «Пошли, и мы что-то перекусим в своей бывшей уже «конторе»» предложил жене Бивнев. Они прошли по длинному коридору первого этажа, прошли переход и поднявшись на второй этаж вошли в довольно большой обеденный зал столовой. Сходя в мужскую и женскую комнаты и вымыв руки молодые стали в не длинную очередь к раздаче. Несколько видов салатов, рыбные блюда, какие-то ещё овощные нарезки с колбасами и сыром, потом первые блюда, вторые и третьи. После увиденного в магазинах города здесь царил полное изобилие даже резанные кусочками бананы на десерт тоже присутствовали. Молодые люди не стали себе ни в чём отказывать. Плотнo покушав и отнеся свою посуду на мойку (здесь самообслуживание), Наталья и Александр нашли бухгалтерию и дождавшись окончания обеденного перерыва, вошли. Помещение было перегорожено стеклянными створками, а в центре такой же стеклян-

ный полу– кабинет заместителя главного бухгалтера. Саша поздоровался с миловидной, уже седеющей, но старающейся всё это не показывать на людях и красящую волосы, женщиной в строгом тёмно коричневом женском костюме и такими же коричневыми туфлями на высоком каблуке на вид явно нерусскую из-за тоненьких усиков под носом. «Здравствуйте. Да, я перед обедом получила указание Вас рассчитать в полном объёме. Одну минуточку» она поднялась, постучала ручкой по стеклу и поманила к себе одну из работниц бухгалтерии. «Валюша, ты всё сделала?» спросила начальница. «Так точно» как-то по –военному ответила женщина с именем Валюша. «Иди тогда в кассу и произведи полный расчёт». «Хорошо, Зарема Фаисовна» ответила Валюша и Александр ещё раз убедился в своей правоте. Суммы, которую получила молодая пара в кассе в виде расчета, хватило бы на покупку однокомнатной кооперативной квартиры и полного комплекта мебели туда. Одних только боевых Саше насчитали почти половину суммы расчёта. Деньги взяли «сотенными» купюрами. Молодые вышли из бывшей уже их «конторы» и сели в машину. «Я таких денег не то что в руках, в глаза не видела никогда» призналась Наташа. Машина плавно тронувшись повезла пару в новую, ещё не понятную, жизнь.

В новом «Коп торге» людей было не много, за то ассортимент превышал всякое воображение советского человека. Полки завалены сухими и копчёными колбасами с такими названиями, которые встречаются только в дорогих книжках, мясо нескольких сортов, сыры с такими дырками в колбах, что может показаться, что Диснеевский Рошфор и в прямь существует и грызёт их для вида прямо на полках. Консервы, рыбные деликатесы, икра и красная, и чёрная, конфеты, о которых только бабушка рассказывала в воспоминаниях «Мишка на севере», «Красная», «Белочка» и каких только нет, а вот и вино—водочный отдел. На вычищенной, зеркальной витрине стояло столько красивых бутылок с надписями на иностранных языках всего мира, что можно было подумать мир только и делает, что дегустирует новую продукцию. А самое главное это был запах магазина. От его не земного аромата разыгрывалось воображение и текли не просто слюнки, а что-то не подобное. Молодые люди сегодня были ох как богаты. Самое главное нет очередей, да и народ в основном в норковых «прикидах» и кожаных пиджаках или куртках, в белоснежных рубашках и обязательно галстуках. Это уже новые русские. Молодые слышать слышали о них, а вот разглядывали с интересом в первый раз.

«Что, жена, рискнём и мы?» с иронией в голосе спросил Саша. Он ожидал, что его Наташа загорится и начнёт покупать не виданные товары, но девушка прижалась к мужу и тихо на ушко прошептала: «Саша, пойдём, может в магазин к нам чего-то завезли. Мама говорила, что обещались пельменей завести. А я так хочу пельменей». Бивнев внимательно поглядел на жену и ещё раз понял, что это его человек для жизни—скромный, не жадный, не расточительный—просто домовитый и не балованный. Он поцеловал её в щеку и прошептал: «Ну хоть конфет себе-то купи самых вкусных килограмм. И родителей угостим. А отцу возьми банку бразильского растворимого кофе. Он знаю любит, но сам не спросит.» Молодые купили всё же палку «салями», финскую упакованную курицу, кило «Мишки на севере», кофе отцу и хорошего индийского «Три слоника» для всех. Саша махнул рукой и купил настоящий «Виски» в литровой таре. «Всё, Саша, пошли, пошли от сюда быстрее» разволновалась теперь уже Наташа. Машина стала на против их «Прод. мага». «Ты сиди, а я сбегая за пельменями, смотри и в правду привезли, вон соседи понесли в коробках» показал Саша и закрыл за собою дверь салона. Наташа с интересом разглядывала людей, движущихся по Северной столице. Простые, озабоченные лица, спешащие каждый по своим делам, кто-то с портфелем, кто с сумкой, а кто с простой авоськой и продуктами на показ в её сетчатом сплетении. Саши не было больше часа. Но вот дверь магазина открылась и её благоверный вышел, держа в охапке несколько длинных пачек Русских пельменей, а в руке масляный конверт светло коричневой обёрточной бумаги. Саша открыл багажник и всё вывалил прямо на тент. Сев на своё место он выдохнул: «Фу... Чуть не раздели в очереди, дают по три пачки в руки, ну пришлось через одного очередь ещё занять, там так многие делают и взять шесть пачек, а потом ещё в другой отдел за маслом

сливочным стоял—то же по одному кило в руки». Наташа поцеловала мужа: «Хозяин ты мой, любимый». Саша зарделся. Они поставили машину на место, Саша зачехлил её и взяв свои припасы они поднялись по своей парадной к квартире. Мама вновь открыла сразу. «Мама, мы с покупками и хорошими известиями» входя первой выпалила Наташа. «Ну и слава Богу» принимая её пальто и вешая на крючок ответила женщина. «Ой, Вы и в правду пельменей купили! И масла! Ой молодцы! Скоро приедет Наташа будем ужинать». Она вместе с сыном, отнесла продукты в холодильник.

После прихода сестры с работы все заняли свои места за большим, семейным столом. Старый Сан Саныч уже дважды приложился к любимому напитку и теперь сидел довольный и разглядывал в упор собиравшихся. Мама принесла фарфоровую вареничную полную сваренными и намасленными пельменями и стала рассыпать по тарелкам. «Папа, мы сегодня с Наташей получили довольно большую сумму расчётных денег и вот теперь не знаем куда их деть» обращаясь к отцу за советом сказал Саша. Отец приподнял сочный пельмень из своей тарелки, аккуратно послал его себе в рот, раскусил и высосав вкусный сок проглотил. «Сынок, давай не портить аппетит, потом поговорим. Помню тебя маленьким. Ты любил говорить: «Когда я ем я глух и нем»». Ели практически молча смакуя вкус любимого всеми блюда. За тем пили крепкий свежий чай и бутербродами из хлеба с маслом и колбасы. Наташа рассказала о виденном в новом магазине продуктов. Отец молча пил чай, а мама всё вздыхала и охала: «Что же будет дальше? К чему мы пришли? Как жить?». Убрав со стола посуду все вновь расселись по своим местам. «Вот, семейный совет в полном составе» объявил отец: «Что там за вопрос на повестке дня?». Наташе очень нравился именно такой подход к их вопросу. Она прижалась щекой к плечу мужа и готова была отвечать на все предложения. «Папа, мы получили довольно крупную сумму денег. В связи с тем, что инфляция с каждым днём растёт я считаю, что держать деньги в банке, а тем более дома не правильно. Что можно с ними сделать?». Неожиданно ответ дала сестра Наташа: «Саня, пока мы кушали я подумала вот что. Рядом с моей работой начали строить кооперативный многоэтажный гараж для личного транспорта. Я случайно знакома с их главным бухгалтером, ну не совсем случайно, это Маринка Бахарева, помнишь, мама, курносая такая моя одноклассница, да она бывала у нас?». «Да, помню, рыженькая такая, курносая, с конопушками?». «Точно, так вот я могу с ней поговорить. Машина у нас есть, и гараж свой можно построить, а это уже недвижимость, то есть частная собственность». «Правильно, дочь. Я всегда говорил, что голова у тебя варит» похвалил её отец. На этом и порешили. Завтра Саша с Наташей идут устраиваться на новое место работы, а Наташа дочь проконсультируется и если можно, то договорится о вкладе на покупку гаража в этом кооперативе. Старый Сан Саныч похлопал ладонью по столу и приподнявшись пошёл в свой кабинет, как он его любил называть, чтобы занять своё любимое место в мягком кресле и заняться творчеством. Саша и Наташа пошли отдыхать к себе и готовиться к завтрашнему, сложному дню. Все были довольны.

Утро выдалось ясным. Дождя и тумана не было, солнышко проглядывало сквозь не совсем плотные, стального цвета, облака, дул ветерок с Балтики. Саша и Наташа встали рано. Она всё прихорашивалась у зеркала в их комнате, волнуясь за свой первый день на работе, Саша тоже чуть волновался. Отец вчера настаивал позвонить к Борису и спросить, когда можно прийти, но Саша не стал этого делать, чтобы и в впредь не ставить личные отношения выше служебных. Мама поставила завтрак и свежий чай. Кушали все молча и быстро. Уже через двадцать минут машина тронулась с места и повезла молодых в первый день будущего.

Припарковав машину и закрыв двери, пара вошла в здание Петроградского районного управления. Уже знакомый старшина милиции с той же красной повязкой помощника дежурного, приветливо поздоровался с вошедшими: «Здравия желаю! Вы в кадры?» спросил он. «Да, к Цветашу» за двоих ответил Бивнев. «Минутку». Он поднял трубку и доложил. Положив трубку на рычаги, старшина с улыбкой произнёс: «Проходите пожалуйста, товарищ подполковник, и Вы проходите пожалуйста». С открытой двери своего кабинета в коридор вышел

сам Виктор Васильевич: «Ну, вот и всё, вчера мне уже вечером сообщили, что все документы нарочным отправили, а личные дела привезут сегодня утром. Проходите» он пропустил пару вперёд и зайдя сам затворил за собою дверь. Цветаш снял трубку и что-то сказал. Через минуту в кабинет вошла всё та же старший лейтенант милиции, которая два дня назад приносила чай. «Слушаю Вас, Виктор Васильевич» приятным, мягким голосом спросила женщина. «Любовь Николаевна, вот Вам представляю Вашего нового сотрудника Бивневу Наталью, прошу любить и жаловать. Покажите пожалуйста её рабочее место и организуйте все необходимые процедурный вопросы по приёму на работу. Сегодня всё должно быть подписано и оформлено, завтра начнёте делать на неё аттестацию на звание лейтенант милиции. Вам всё понятно?». «Так точно» чётко ответила женщина и повернувшись к Наташе спокойно с улыбкой произнесла: «Будем знакомы, пройдемте со мной». Женщины вышли оставив мужчин наедине. «Вот!» потирая руки сказал Цветаш: «Тепереча приступим к Вашему оформлению на вакантную пока должность заместителя начальника управления по милиции общего отдела или как её начали сейчас звать Общественной безопасности». Мужчины сели за стол на против друг друга. «Уважаемый Александр Александрович. Начальник просил меня ввести Вас в курс Вашей будущей работы. Она конечно же немного отличается от Вашей прежней, но я не ошибся, лишь немного. Вы становитесь чуть ли не первым руководителем самого большого района города Ленинграда—Петроградского. На Ваши плечи ляжет всё, кроме оперативно—розыскной и следственной, и то—в розыске Вы участвовать всё равно будете, да и дознавателем считается любой офицер органов МВД согласно приказа». Цветаш встал и медленно начал семенить своими маленькими ножками, ходя по своему кабинету. «В Ваше подчинение входят—участковые всего района, патрульно постовые наряды, разрешительная система, паспортный стол, пожарные команды всего района, ИВС, конвойная служба, служба связи с общественностью. На территории района работает 35 отделений милиции в которых и работают все Ваши подчинённые люди. Это огромный штат офицерского и сержантского состава. Прямо скажу, что у Вас есть зам., который надеялся на эту должность, но Борис Борисович его, прямо скажем, не желает. Трудности у Вас начнутся уже с первого дня. Хотите Вы или нет, но палки в колёса Вам он ставить будет и самое главное, что Вы сами должны с ним разобраться или оставить и наладить отношения, или...». Он снова засеменял по кабинету, что-то тихо бормоча себе под нос, за тем продолжил: «Сложность Вашей будущей работы заключается в незнании пока Вами ведомственных приказов, которые регламентируют ту или иную работу. Главный приказ для Вас каждый из многих. Выделять ничего не получится. И все Вы обязаны знать на «зубок» чтобы не попасть в просак. В нашей спец части получите все необходимые для работы приказы и распоряжения, указание я уже дал, и сидите и учите, учите, учите. Знакомьтесь с отделениями милиции во всём городе, с начальниками МОБ на местах. Особое внимание обратите на ИВС—это как обычно бомба замедленного действия, и на ППС—это так же проблемные отделения. Обязанностей у Вас больше, чем Вы даже можете себе представить, и самое главное в этом, что Вы до этого ни дня не работали в милиции. Ох, Александр Александрович, честно Вам скажу, я Вам не завидую, но помогать буду всячески, прошу не стесняться, звоните или подходите в любое время—всё решим. Теперь ещё одно, на службе Вы обязаны быть постоянно в форменной одежде. Супруге Вашей ладно уж простим этот грех, а Вы просто должны, Вы лицо. Поэтому будьте так добры поезжайте на склады и подберите себе форму для старших офицеров, подшейте и с понедельника на Ваше представление личному составу уже быть одетым.» Цветаш вновь засеменял по кабинету, как будто бы собираясь с мыслями: «Вам надо быстро собрать свою команду» закончил он и пожав руку Бивневу дал понять, что разговор окончен. «Пройдемте, я покажу Вам Ваш кабинет и познакомлю с секретарями, а потом я вызову начальника склада и вместе с ним Вы проедите и получите всё необходимое для Вашей работы».

В самом конце длинного коридора второго этажа находилась не большая приёмная, в которой стоял обычный диван кровать для ожидания посетителям и два стола впритык один к другому за которыми сидели две ещё не старые, но уже и не совсем молоденькие дамы балзаковского возраста. На столах перед ними стояли пишущие машинки и обе, одновременно, что-то быстро печатали на них не обращая внимания на вошедших. Одна дверь в приёмной с табличкой «Начальник МОБ, но без фамилии» была закрытой, а вторая распахнута настежь и на ней красовалась редкая русская фамилия Иванов Пётр Иванович майор милиции, заместитель начальника МОБ. В кабинете разговаривали явно не стесняясь выражений двое мужчин оба в погонах майоров милиции. При входе в кабинет подполковника Цветаша с гражданского вида напарником, один майор вскочил с места и вытянулся по команде «смирно», а второй даже не предпринял попытку привстать для приличия. Бивнев сообразил, что это и есть его теперешний заместитель. Красное, чуть опухшее лицо, заметные мешки под глазами, с не совсем аккуратной причёской, однако свежее выбритый и с сильным запахом хорошего и дорогого французского одеколона «Тримаран», который и самому Бивневу безумно нравился своим холодным запахом, в слегка измятом кителе и перекосившемся на один бок галстуке, сидел в чёрном кресле на крутящейся подставке не молодой мужчина и такими же чуть покрасневшими не понятно от чего, глазами, рассматривал вошедших. «Ааа! Привет, Василич! Что, дождался я твоего визита? Предложение будешь мне делать? Что, не один дурак на эту должность не согласился? Ха...! А я тебя предупреждал, что кроме меня некому сюда идти. Там, правда, ещё один был с Ленинского района умник, но после разговора со мной он почему-то передумал. Ха...Ха!» хамил и веселился майор. «Ну по чему-же никого, есть один парень, в понедельник его Вам, Пётр Иванович и всему личному составу района сам Борис Борисович и представит на утреннем совещании в актовом зале. Так что не переживайте, Иванов» закончил Цветаш резко разворачиваясь чтобы выйти. «Да погоди, ты, Василич!» не обращая внимания на Бивнева, как будто его не было вообще, вставая проговорил Иванов, направляясь следом: «Погоди говорю». Цветаш остановился в приёмной: «Слушаю, говори быстро у меня проверка». Иванов как-то косо глянул на стоящего Бивнева, как будто только что его увидел перед собой, и продолжал: «Василич, ладно, не бушуй, давай поговорим». Цветаш взглянул в его поросычьи глазки и лишь махнул отрицательно головой. «Пошли» обратился он к Бивневу. Они отошли от всё ещё стоящего в проходе Иванова: «Вот с каким человеком Вам придётся начинать свою работу, товарищ подполковник». Бивнев лишь слегка кивнул головой. «Ладно, кабинет уже свой займёте с понедельника, а сейчас забирайте свою супругу и на склад. Пусть она Вам там и поможет, чтобы всё сидело красиво» закончил ознакомление маленький мужичок. «Понял Вас, Виктор Васильевич и спасибо за наставления». Бивнев прошёл по тому-же коридору и приоткрыв двери отдела работы с личным составом, чуть просунул туда голову. Его Наташа сидела в центре кабинета с чашкой чая в руках, а вокруг её обступили женщины и все о чём-то бурно беседовали. «Наташа!» –позвал жену Бивнев. Но разговор по-видимому был на столько увлекательным, что его голоса никто не расслышал. Бивнев повторил попытку чуть громче. Все обернулись на голос, как по команде. Наташа поставила свою посуду на подоконник, извинилась и вышла. «Ну, что тебе? Только разговорились и познакомились с девочками» надула губки жена. «Всё, заканчивай, начальник тебя на сегодня отпускает с целью одеть меня на складе. Жду, быстро». Она скрылась за дверьми и через пять минут вышла уже одетая в коридор. В хозчасти Бивнев забрал свои документы и молодые поехали на центральный вещевой склад.

Огромный ангар вещевого склада был обнесён двойным забором и между ним бегали и довольно громко лаяли собаки. «Умно придумано» проходя в двойные ворота склада заметил Бивнев. Дежурная в форме ВОХР и с наганом в огромной кобуре, которую когда-то в революцию носили только старшие командиры Красной армии, проверила все имеющиеся документы и сняв чёрную трубку с такого-же ещё оставшегося с войны, телефона, позвонила: «Вера Кузь-

минишна, тут к Вам старший офицер одеваться прибыл. Всё... пропускаю». Она улыбнулась и рассказала в какую дверь из длинного коридора войти. Верой Кузьминичной оказалась совсем ещё молоденькая младший лейтенант милиции интендант с хозяйственной части района. Она вскочила, как будто бы вспорхнула на своих длинных, красивых ножках, поправила сползающий чёрный локон волос со лба и искренне улыбаясь подошла к вошедшей паре. «Здравствуйте, Вы Александр Александрович, мне уже позвонили и попросили Вас тщательно и качественно одеть». Бивнев от такого приёма немного ступешевался, но Наташа сразу же взяла всё в свои руки. «Да, пройдёмте с Вами подбирать, а он пусть раздевается и примеряет всё, что мы ему принесём. Две девушки взяли списки и пошли по длинным рядам наваленной одежды. Бивнев снял верхнюю одежду, свитер и остался в одной футболке. «Прохладно, однако» подумал он потирая ладони рук. Примерки продолжались больше часа. Несколько пар брюк, бриджи в сапоги повседневной формы одежды, а за тем всё по-новому с парадной. Одежды было столько, что Бивнев ужаснулся: «Не знаю войдёт ли это всё в нашу машину?». Получив всю мелочёвку и расписавшись в получении чета отправилась домой. Несколько раз Саша спускался и поднимался, переносил всё полученное в квартиру. Поставив на своё место и зачехлив автомобиль молодые поднялись домой, где их уже давно ожидала сестра Наташа с новостью о гараже. Семья села вокруг своего большого стола, мама принесла всем чай, а отцу его любимый кофе, поставила вазочку с сушками. Наташа начала рассказ: «Я сегодня подошла к Марине Бахаревой с вопросом о приобретении гаража в их строящемся кооперативе. Председатель кооператива бывший старший преподаватель одного из технических вузов тут же на её вопрос ответил отказом, сославшись на ограниченное количество мест стоянки в четырёхэтажном здании будущего гаража. Но потом сменил гнев на милость, когда Марина сказала, что она моя школьная подруга и рассказал сколько это удовольствие будет нам стоить. Вот здесь вся расшифровка что и сколько у них стоит и конечная сумма. Я просмотрела в газетах объявления по продаже гаражей и цены приблизительно одинаковы, так что вносить сумму можно. Но дело ещё и в другом» Наташа вдруг смолкла и покраснев выдавила из себя не приятную новость: «Надо дать этому председателю «на лапу» половину стоимости гаража, тогда он только подпишет согласие и даст команду принять деньги на оплату гаража». У старого Бивнева от услышанной новости выпала ложечка из чашки с кофе и упала под стол звякнув о паркетный пол. «Вот сволочь» резюмировал он: «Ну ладно там бутылочку хорошего коньячка спросил бы, ну в крайнем случае две, но такую сумму денег! Вы меня простите! Сталин был прав расстреливая подлецов». Саша переглянулся с Наташей. Для него это стало так же неожиданностью. Он в первый раз за свою боевую жизнь столкнулся с дилеммой дачи взятки. Ему было просто противно. Нет... Дело даже не в самих деньгах. Если бы эти деньги вложили бы в стоимость гаража, они бы не зная обмана просто уплатили их и тогда было бы всё гораздо честнее, чем дать взятку. «Ну хорошо, Наташа, я подумаю и дам тебе ответ на той неделе. Хорошо?». Сестра только стыдась кивнула своей головой. Попив чай все женщины пришли в комнату к молодым помогать в разборке и подготовке Сашиной формы к выходу на работу в понедельник. Мама забрала гладить все рубашки и галстуки и брюки, девочки уселись подшивать погоны к кителям и шинелям. Саша взял зимний комплект нательного байкового белья голубого цвета и отнёс отцу. «Папа, тут и для тебя есть подарок. Я нательное не привык носить, а тебе вот на зиму нижнее бельё. Возьми пожалуйста». Старый Бивнев оторвался от своего дела и принял из рук сына мягкое и тёплое бельё. По-старчески радуясь каждому уважению к себе, он сквозь набежавшую слезу поблагодарил Сашу: «Спасибо тебе, сынок, что не забываешь и меня». В проёме двери показалась и мама. Увидев и услышав всё она так же тихо смахнула слезу и заворчала без злобы, как могут ворчать только мамы: «Ну вот и ты поджился от сына».

В воскресенье Саша оделся дома в свою новую форменную одежду и красовался в ней перед большим зеркалом в спальне сестры Наташи. «Ну, как?». «Не плохо, даже очень, как не плохо» ответила она поправляя академический знак на груди у брата.

Понедельник – день тяжёлый. Странно по—весеннему светило уходящее в зиму уже холодное ленинградское солнце. Саша сидел на месте пассажира в новой, стягивающей его напряжённые мышцы, форме и ему казалось, что все проезжающие рядом с ним водители то и дело разглядывают его, с сего дня подполковника милиции. Наташа спокойно вела автомобиль постоянно поглядывая в зеркальце заднего вида и чему-то улыбаясь. Жизнь налаживалась.

Борис Борисович вёл утреннее совещание, как обычно. Начал с оперативной обстановки в районе и о раскрытии дел за прошедшую неделю. Выслушав подробный доклад своего первого зама по ОР (оперативной работе), поднял и чуть пожурил пару следователей, явно валивших порученные им дела, выслушал доклад начальника следствия, за тем начальника ДЧ и на конец поднял и пригласил к трибуне исполняющего обязанности МОБ майора Иванова. Не бритый, с чуть опухшими глазами последний поднялся на подиум и подойдя к трибуне с огромным гербом Советского Союза взялся за её борта, как профессиональный ректор перед выступлением перед публикой и взглянул на руководителя ожидая вопроса. «Пётр Иванович, скажите, как Вы сами оцениваете работу Вашей службы за прошедшую неделю? Какие результаты? Кто отличился или провинился? Можете отвечать». Майор, не понимая течения мысли начальника района начал рассказывать, как работали службы ППС на воскресных мероприятиях, проводимых в районе города, о добросовестной работе участковых, о том, что дежурный по городу оставил запись в журнале про то, что дежурный в ИВС спал в не положенное время, что не вовремя привезли арестованных в здание суда, чем практически сорвали его заседание, о запарке в паспортном отделе. Все его отговорки сводились к одному, что виноватыми были руководители отделений огромного района города, которые не принимали участия в работе его, самого важного, отдела в милиции. Иванов достал скомканный носовой платок и вытер вспотевший от напряжения, лоб. «Да, Иванов, Вы так и не поняли, что на службе надо работать, а не решать разные проблемы. Наблюдая все эти месяцы за Вашими потугами, я понял лишь одно, что Вас пока ещё рано назначать на эту должность. Рано.» Борис Борисович встал и выйдя из-за стола сделал знак кому-то в открытую дверь коридора. «Я принял решение и с сегодняшнего дня на должность начальника МОБ района назначен подполковник милиции Бивнев Александр Александрович, которого я Вам с удовольствием сейчас и представлю». Глазки Иванова забегали, когда в вошедшем человеке он узнал мужчину приходившим к нему в приёмную с начальником кадров Цветашем. Борис Борисович продолжал: «Это боевой офицер прошедший Афганистан, имеющий боевые награды, честный и опытный человек с сего дня начальник МОБ района. Товарищ майор передайте товарищу подполковнику все Ваши дела и с сегодняшнего дня Вы назначаетесь его заместителем. Предупреждаю Вас при всех здесь сидящих, услышу, что Вы станете ему в работе вредить—уволю. С сего дня все начальники отделений района работают на прямую с товарищем Бивневым. Прошу любить и жаловать. Поздравляю с назначением». Начальник крепко пожал другу руку. «Товарищ Цветаш, покажите после совещания его кабинет пожалуйста». «Слушаюсь, товарищ полковник» хитро улыбаясь и поглядывая на стоящего столбом Иванова, ответил начальник кадров. По большому залу тут же поползли тихие перешептывания женского персонала: «Молоденький, а форма как на нём сидит, а фигурка какая, интересно женатый или нет? Да кого это когда-то останавливало?» хихикали с другого ряда. «Всё, вопросы будут?». Зная о том, что первый руководитель не любит шуток на работе, в зале промолчали. «Тогда совещание закончено. Первый зам зайдите ко мне с начальником розыска и начальником следствия, остальные по рабочим местам». Он первым вышел из зала в просторный коридор и пошёл своим широким шагом к своему кабинету.

Двери были раскрыты на распашку и сразу две уборщицы наводили в нём лоск. Одна мыла шваброй и до того чистые полы, вторая, работая чуть вогкой тряпицей вытирала не существующую пыль на столах и шкафах. Кабинет был довольно просторным. Три больших окна, на которых висели тяжёлые багеты с такими же тяжёлыми синими шторами. На каждом окне

деревянные ящики с геранью. По над стеной на против ряд тяжёлых стульев с велюровыми зелёного цвета сидухами и спинками по всей видимости поставленные в кабинет на днях, так как заметно не вооружённым глазом, что на них ещё не сидели. Перед стульями длинный, тёмно коричневый конференц стол, на котором в не больших фаянцевых вазочках торчали остро заточенные простые карандаши, а на столе лежали блокноты для записей. Рабочий стол начальника был по истине огромен. Двух тумбовый, с четырьмя выдвижными ящиками с каждой стороны. Приставленный к рабочему столу не большой стол с двумя стульями с разных сторон немного отличался по цвету с основным. На столе стоял светильник в каменной подставке, прибор для ручек и карандашей и ряд разных телефонных аппаратов, а на всём столе лежал чистый лист стеклопластика, под который можно было складывать срочные бумаги, и они были бы всегда под рукой. За спиной портрет «Ленин в Смольном» и множество книжных полок на которых были кем-то установлены труды Великого гения социалистической революции, а рядом с ними должностные инструкции и приказы, регламентирующие работу начальника отдела МОБ. Между столом и задней стенкой стояло чёрное кресло из грубого кожзаменителя с высокими чуть кривыми подлокотниками. От входа и под самый стол лежала буро—полосатая ковровая дорожка до этого качественно пропылесосенная и чуть мокрая. Потолок украшали две трёх рожковые люстры отечественного производства с легка розоватыми плафонами.

В приёмной, куда вошли Бивнев и Цветаш, их ждали две секретарши, те же самые дамы бальзаковского возраста, которые не так давно при их первой встрече что-то печатали на своих машинках. Бивнев приветливо поздоровался: «Доброе утро, дамы. Будем теперь работать вместе. Меня зовут Александр Александрович Бивнев, а Вас?». Одна назвалась Ларисой Валентиновной, а вторая, смутившись сказала, что зовут её просто Марина. Мужчины вошли в кабинет. Цветаш пробежал быстрым взглядом порядок и оставшись довольным подсказал новому хозяину где открывается встроенный шкаф для верхней одежды. Бивневу, не имевшему в своей жизни, кабинетов, это помещение привело просто в восторг: «Как красиво!» чуть смущаясь выдал он из себя. «Вот, и начинайте работать. По любому вопросу звоните мне по внутреннему телефону через восьмёрку четыре тройки, это вот тот белый. Это городской телефон, а этот зелёный – прямая связь с Борисом Борисовичем. Этот, чёрный, прямая связь с ДЧ и ИВС, ничего научитесь, не Боги горшки обжигают» закончил свой рассказ Виктор Васильевич. «Спасибо, буду учить и если что, Вы простите, буду первое время докучать вопросами». Мужчины пожали друг другу руки и Цветаш вышел, плотно прикрыв за собой лакированную дверь. Оставшись в кабинете один, Саша ещё раз всё внимательно оглядел. В встроенном шкафу оказался стоял и сейф, с торчащими из него ключами, а рядом такой же маленький холодильник без камеры в котором лежало несколько бутылок с минеральной водой, а на полочке двери—открывалка для пробок. Всё было учтено.

Первым делом Бивнев пригласил к себе секретаря. Вошла Марина с блокнотом и карандашом в руках. «Слушаю Вас, Александр Александрович» чуть смущаясь перед новым человеком, выдала из себя дама. «Вот здесь я написал текст телеграммы в Таджикистан и фамилию с адресом получателя. Вы смогли бы её отправить?». «Какие проблемы? Сейчас отдам на наш телетайп и через минуту она будет в Таджикистане, ну а там уже как у них всё работает». Бивнев протянул женщине листок бумаги, на котором красивым, ровным почерком было написано: «Устроился, жду Вашего приезда. Перед тем дайте телеграмму о времени приезда. Встречу. Всем нашим привет! Жду». Адресована на имя Александра Квашинина. «Да, Марина, пусть ещё зайдёт и Лариса Валентиновна.» «Хорошо» выходя из кабинета тихо сказала Марина. Через минуту в кабинет вошла и вторая секретарь. «Вызывали, Александр Александрович?» спросила она проходя к столу. «Да, пожалуйста присядьте. У меня к Вам будут несколько вопросов.» «Слушаю» присев на стул и раскрыв такой же точно блокнот, как и у Марины, сказала дама приготовившись записывать. «Лариса Валентиновна, да в принципе я бы хотел про-

сто поговорить с Вами. Вы, как я понял, работаете довольно давно, всех хорошо знаете и могли бы дать каждому характеристики, самые простые, без намёков. Ведь мне же надо от чего-то оттолкнуться в начале работы. Вы согласны?». «Да, я Вас прекрасно поняла. Я Вам дам необходимую информацию на любого, работающего в нашем отделе человеке». Теперь смутился и сам Бивнев: «Простите, не так. Мне оперативная информация не нужна, я сам разберусь, а вот жизненные позиции каждого сотрудника мне бы не помешали». В это время дверь неожиданно распахнулась и в дверях показался заместитель Бивнева Иванов. Он стоял в проёме широко расставив свои ноги в помятых брюках и рассматривал беседующих за столом. «А ну выйди из кабинета, мне с начальником надо перетереть по душам» приказал он женщине. Та медленно стала подниматься не понимая, как себя вести в данной ситуации. Бивнев поднял ладонь вверх: «Сидите пожалуйста. А Вы, Пётр Иванович, потрудитесь выйти из кабинета, я Вас вызову на, как Вы изволили выразиться—перетёрку. Закройте за собой дверь пожалуйста». Иванов, не ожидавший такого к себе обращения, вышел и громко хлопнул дверью. Наступило не ловкое молчание. «Зря Вы так с ним. Он злопамятный человек.» опустив голову сказала секретарь: «Надо бы мне просто было молча выйти и всё». «Да я не понял, что за бардак? Что за порядок хамский? Что он из себя представляет?». «Да он женат на дочери первого секретаря райкома партии, вот поэтому на него стараются не обращать внимания. Лучше промолчать лишний раз, умнее будешь». Бивнев внимательно поглядел на говорившую женщину. «Вы что это в серьёз мне говорите?». «Да, я в серьёз. Он прибежит и пожалуется своей мымре, а та папику, а тот надавит на Бориса Борисовича. Вы что думаете я сама это придумала. Да тут такое уже было с ним» она покраснела и замолчала. Бивнев понял, что разговора с ней уже не получится, во всяком случае сегодня. «Ну хорошо, хорошо, разберёмся с этим вопросом, спасибо Вам». Секретарь подвинута стул на своё место и тихо вышла. «Да! Дела! Ещё и какие!» подумал Бивнев: «Хоть бы кто предупредил, или может Борис специально меня назначил, чтобы свалить этого «мажора»?». В двери легонько постучали и приоткрыв вошла Марина: «Всё, телеграмму я отправила, не волнуйтесь» сообщила она. «Спасибо» буркнул Бивнев. «А я смотрю Вы уже столкнулись с хамством своего заместителя?». Голос Марины звучал ровно. Она не боялась и готова была к диалогу. «Проходите, присядьте» предложил Бивнев ей тот-же стул, на котором не так давно сидела её напарница. Марина села и в упор поглядела на нового начальника. «Вам, наверное, уже сказали чей он родич?». «Да уж, поведали тайну». «Он пытался меня соблазнить, я дала ему в морду, он сказал, что избавится от меня. Было разбирательство, но Лариса Валентиновна не подтвердила мои слова. Да и понятно, если её выгонят где она ещё такую работу себе найдёт. Ведь её через год на пенсию. Вот мы и молчим теперь, а он издевается над нами как хочет, гад». Бивневу после этих слов стало не по себе. «Спасибо Вам, Марина. Что-то буду теперь думать.». Девушка молча вышла из кабинета. «Да! Хороший у меня первый день» подумал Бивнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.